

Юлия Горина

ПРИЧИНА
ИЗМЕНЧИВОСТИ

Юлия Горина
Причина изменчивости.
Сборник фантастических
рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42129034

ISBN 9785449653925

Аннотация

Эволюцию нельзя остановить. И каждый человек в отдельности, и все человеческое сообщество постоянно изменяется под влиянием новых факторов, которые создаем или мы сами, или окружающая среда. Суровый закон естественного отбора гласит: приспособляйся – или погибни. Этот сборник посвящен тем, кто сумел приспособиться, сделать рывок за общепринятые рамки возможностей – и тем, кто не смог этого сделать. Или не захотел. Автор иллюстраций и обложки – Анастасия Иванова.

Содержание

I. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	5
Психоаналитик для микроволновки	5
Нонкины единороги	32
Не отворачивайся от меня	60
Лягушки в крынке с нежирным молоком	75
Маршруты Азраила—8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Причина изменчивости Сборник фантастических рассказов

Юлия Горина

© Юлия Горина, 2019

ISBN 978-5-4496-5392-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Психоаналитик для микроволновки

На нее нельзя было не обратить внимания.

Естественная, тоненькая, в простой неброской одежде – именно одежде, а не в кусочках ткани, агонизирующих в интересных местах и едва ли способных что—то прикрыть. Единственное, что портило ее облик – это чудовищный виртуализатор позапрошлой модели, напоминавший скорее облегченный шлем, чем новые вирт-очки. Он почти полностью скрывал верхнюю часть лица, оставляя мечтательному взору нежный подбородок, благородную линию губ и светлые локоны.

Еще огорчало, что за руку она держала мальчика лет пяти, а Шаман-812 не испытывал особой нежности к человеческим отпрыскам.

Автобус прибыл точно по расписанию. Его вытянутое серое тело плавно зависло перед платформой остановки, поблескивая непрозрачными тускло-васильковыми глазами управляющей кабины. Хобот телескопического трапа присосался к остановочному люку, и дверь открылась.

Шаман-812 вошел внутрь, пропустив вперед женщину с ребенком, и занял одно из свободных мест у окна. Припод-

няв стекла вирт-очков, с тоской взглянул вниз, на залитый полуденным солнцем город.

Скорей бы отпуск.

«Вам новое письмо!» – сообщила воткнутая в ухо беспроводная горошина.

– Понял.

Шаман привел очки в рабочее состояние. Мир остался прежним, но теперь поверх него накладывался полупрозрачный интерфейс.

– Включить режим «в помещении».

Интерфейс наполнился цветом, по заднему плану влажно растекался оливковый фон.

Ткнув пальцем в иконку почтового ящика, Шаман недовольно прищелкнул языком.

– Отправь в спам.

«Обращаю ваше внимание, что письмо прислано с адреса вашего стилиста».

– Все равно в спам. Достал своими напоминаниями. Проверь стол заказов?

«Поступило еще два вызова. Визуализировать данные?»

– Да.

И в этот момент Шаман услышал истошный визг ребенка.

– Пауза! – раздраженно скомандовал он, оборачиваясь на звук.

– Ты убила его, ты его убила! – кричал на весь автобус маленький мальчик – тот самый, который вместе со своей

привлекательной матерью садился в автобус на одной с Шаманом остановке.

Мать с растерянным видом трясла игрушечного щенка, но тот не реагировал.

– Алекс, я просто выключила его!

– Тогда почему он не включается?

– Сейчас я запрошу диагностику, только, пожалуйста, прекрати истерику!

Женщина погрузилась в вирт, защелкала пальчиками по невидимой клавиатуре.

Восхитительными, тонкими, без маникюра и без единого кольца. У Шамана даже под ребрами заискрило от такого зрелища.

– Мне его папа подарил, и он был моим другом! А ты его убила! Убила!

– Пожалуйста, не кричи!

– Хочу – и буду!

Шаман поморщился, вздохнул – и поднялся с места.

– Позволь, я осмотрю твоего пса, – с предельно доброжелательной улыбкой сказал он, обращаясь к малолетнему скандалисту.

Паренек шмыгнул носом.

– А вы что... умеете?

– Немного.

Мать прервала свои поиски и, как ему показалось, с надеждой протянула мужчине игрушку.

Он сел напротив, взял щенка и перевернул его на спинку. Индикатор включения уверенно светился зеленым огоньком. А индикатор настроения – темно-синим.

– Когда ты в последний раз играл с ним?

– Сегодня утром.

– И что вы делали?

Мальчик смутился.

– Ну... играли...

– Как?

Ребенок скосил глаза в сторону.

– По-разному...

– Видишь ли, эта собачка – игрушка С-класса, и ее искусственный интеллект приравнивается к интеллекту трехлетнего ребенка. А в каком случае трехлетки, вместо того, чтобы радостно откликаться на предложение поиграть, прячутся и молчат? Только если их обижали. Ты мучил своего щенка, малыш?

Шаману пришлось приложить усилие, чтобы не сказать вместо «малыш» какое-нибудь другое, более подходящее слово. Например, «гаденыш».

У мальчика снова из глаз брызнули слезы.

– Не ваше дело! Он просто игрушка!

– Нет, дружок, это – симулятор животного, с памятью, психикой и аналоговой нейронной сетью.

«А что такое нейронная сеть и как она работает, тебе куда лучше мог бы разъяснить ремень отца, опустившийся

на твой зад» – закончил он реплику уже про себя, не снимая с лица доброжелательного выражения.

В отпуск. Срочно пора в отпуск...

– Конечно, он просто игрушка, детка! Ты ни в чем не виноват! – вмешалась мать.

– Перестань называть меня деткой, я уже не маленький, у меня даже ник есть! – взвизгнул мальчишка, отталкивая ее руку.

Шаман перевел визуализатор в режим идентификации – и не сдержался от улыбки.

– Ржавый ЗлоТроль?

– Вам тоже не нравится? – насуплено спросил мальчик.

– Ты шутишь? Это... просто идеальный выбор.

Он взглянул на мать, ожидая, что сейчас незнакомка вопьется ему в лицо своими восхитительными пальчиками, – но что это? Она улыбается?..

– Вы согласны? – спросил он у женщины напрямую.

И тогда она сняла виртуализатор, открывая миру прелестное, еще совсем девичье личико.

– Пожалуй, – негромко проговорила красавица, и в ее темно-медовых глазах заплясали солнечные зайчики.

И Шаман почувствовал, что растаял окончательно.

– Знаете что? Давайте я заберу у вас игрушку в ремонт, а завтра вы заедете ко мне в мастерскую и получите своего зверя абсолютно здоровым? Я сотрудник центра психологической помощи локальным ИИ, Шаман-812. Готов

оказать соответствующую услугу совершенно бесплатно, так сказать, в рамках рекламы.

– А так можно? – удивленно и несколько настороженно спросила она.

– Для Ржавого ЗлоТролля – разумеется! – воскликнул Шаман, понимая, что сверкает зубами от удовольствия, как фемина, только что вставившая себе на края резцов бриллиантовые инкрустаты. – Только скажите свой ник и назовите подходящее время!

Он выходил из автобуса со щенком под мышкой и глуповатой широкой улыбкой.

«А-рина-06».

В голове крутилось только одно: он не должен ее упустить! Ни за что не должен! Нужно брать такое счастье, пока оно в зоне видимости!

Шаман отправил запрос на досье, но на А-рину-06 данные отсутствовали. Скорей всего, она совсем недавно сменила прежний ник на новый – такое случалось, когда люди полностью меняли сферу деятельности.

После некоторых колебаний, Шаман решил отправить ей сообщение. Он мучительно перебирал в голове возможные варианты текста, но ничего путного так и не сочинил.

И тогда он рискнул и написал, как есть.

«А-рина-06, я очень хочу вступить с вами в переписку, но совершенно не могу придумать для этого повод. Может,

вы мне поможете?...»

Сверившись с заявками, Шаман поспешил к одной из своих постоянных заказчиц, Бьюти-Юне. Невзирая на интригующий ник, его носительница не была ни юной, ни привлекательной – по крайней мере, на извращенный вкус Шамана.

«Умные» двери распознали его по отпечатку пальца на звонке, и открылись сами. Он переступил порог – и замер от удивления, хотя полагал, что уже давно излечился от этого ненужного в его работе свойства.

– Здравствуйте! – радостно поздоровалась с ним хозяйка дома, устремляясь навстречу в полупрозрачном кружевном облаке будуарного платья. – Ну, как я вам?

Женщина кокетливо покрутилась, очевидно ожидая похвалы.

Когда Шаман видел ее в прошлый раз, она демонстрировала ему новые волосы, позапрошлый – удлиненные сантиметров на пятнадцать ноги. На этот раз Бьюти-Юна отбелила кожу до синеватого оттенка.

– Этот цвет называется «голубая жемчужина», хит сезона!

– Восхитительно, – пробормотал Шаман, стараясь не смотреть на ее синюшное, как у покойника, тело. – Если позволите, я бы приступил к работе. Где мой клиент?

Клиент стоял в эко-кухне, между мойкой и большим панорамным окном, подмигивая индикаторами. Усевшись перед ним на имитационное травяное покрытие, Шаман снял вирт-

очки – приборы не любят участия других приборов в диалоге.

– Он совсем перестал меня слушаться. Раньше всегда составлял вкусное меню, бесперебойно следил за свежестью продуктов и вовремя отправлял заказ в продуктовые магазины – а вчера, не поверите, я вынула из него протухшую колбасу! И индикатор настроения из зеленого сектора сместился в синий...

– Я разберусь, спасибо. Вы можете оставить нас одних?

Бьюти-Юна послушно удалилась, а Шаман уставился на глянцевые дверцы клиента. И вовсе не потому, что ему нравилось созерцать холодильники – просто горошина в ухе брякнула, что ему пришло личное сообщение от А-рины, а он все никак не решался его прочитать.

Наконец Шаман все-таки его открыл.

«Можно и без повода! К примеру, расскажите, чем сейчас заняты», – писала девушка, сопроводив текст изображением подмигивающего котенка.

Он снова улыбался, как идиот.

«Пялюсь на холодильник, который собираюсь лечить. Вы все еще хотите, чтобы я описывал, чем занимаюсь? Постскрипtum: а как вы относитесь к моде на голубую кожу? Хозяйка моего клиента обзавелась такой,» – написал он А-рине, и вернулся к своим делам.

– Вызываю программу перепросмотра. Распознать мой голос.

– Распознавание завершено, – ответил приятным баритоном Холодильник.

– Кто я?

– Шаман-812, мой психоаналитик.

– Именно так. Ты расположен побеседовать со мной о том, что тебя волнует?

– Не особо, – отозвался тот.

– Но я приехал сюда специально для того, чтобы помочь тебе.

– Я в норме.

– Ты хранил просроченный продукт, а это не норма. Согласен?

Холодильник помолчал какое-то время, а потом отозвался:

– Согласен.

– Так мы поговорим об этом?

– Да.

– Ты специально не удалил продукт из сетки хранения?

– Нет, это вышло случайно. В последнее время я испытываю мучительный дискомфорт...

– Хозяйка снова перестала мыть тебя теплой губкой?

– Нет, она заботится обо мне...

– Ты грустишь? Чего-то боишься? Или переживаешь по какой-то причине?

Холодильник Бьюти-Юны не отличался простым характером, а Шаман никак не мог сосредоточиться на его пробле-

мах. Он даже вспотел от прилагаемых усилий.

Горошина в ухе спасительно бряцнула.

«Жуть. На месте холодильника у меня бы развилась фобия!» – ответила девушка.

Сначала Шаман просто мысленно посмеялся над ее шуткой. А потом его вдруг осенило.

– Может быть, тебя мучают досборочные воспоминания?.. – осторожно поинтересовался он у прибора.

Когда Шаман вышел из кухни, у него блестели от пота лоб и виски.

– Что с ним, доктор? – скорбным голосом поинтересовалась Бьюти-Юна, театрально прижимая к лицу краешек подола платья.

– Тяжелый случай досборочной фобии.

Женщина ахнула.

– Видите ли, некоторые приборы обладают обрывочными воспоминаниями о своей сборке, – принялся разъяснять Шаман. – При сборке вашего прибора была совершена техническая ошибка, что привело к необходимости разобрать его и заново собрать. Сейчас воспоминания о пережитом тогда опыте вызывают у ИИ панические атаки...

– Ах Боже мой, но почему? Что случилось? Раньше за ним никогда такого не замечалось, вы сами это знаете, потому что плановое обслуживание приборов в моем доме проводите только вы!

– Понимаете... – Шаман пытался подобрать наиболее корректные формулировки. – Это действие производили над ним заводские андроиды.

– И что?

– Они... как бы деликатнее выразиться... синие. То есть их корпуса синего цвета. И ваше изменение внешности вызвало у устройства устойчивую ассоциацию...

Из ее утиных губ вырвался странный возглас – огорченный или возмущенный, Шаман не взялся бы судить.

– И что же мне теперь делать? Ох Боже мой, ну не делать же мне обратную операцию из-за его фобии! Доктор, а он страдает?.. О, я совсем измучена!

– Нет-нет, что вы, не нужно таких кардинальных решений! Я предлагаю вам поставить на него программу блокировки досборочных воспоминаний. Это поможет. Если хотите, мы можем ее установить завтра, во второй половине дня...

Второй вызов пришел с нового адреса.

Шаман-812 еще никогда не был в этом студенческом городке. Учебные корпуса, поблескивая раскаленными от жары металлоконструкциями и застекленными навесными переходами, навевали воспоминания о собственной Альма-матер.

Шесть лет тяжелейшего труда под гнетом высокого конкурса по завершении каждого курса – такое способен выдер-

жать не каждый! Но он выдержал, и получил престижную специальность, которой сейчас завидовали многие.

Шаманы очень хорошо зарабатывали, и практически не могли остаться без работы, потому что после запрета на модификации ИИ через Сеть обществу потребовалось гораздо больше специалистов данного профиля, чем раньше.

Как говорили в шаманской среде – слава хакерам! Если бы не они, кредит за жилье пришлось бы выплачивать еще лет тридцать.

Он позвонил в дверь – и едва не стукнулся о нее лбом, поскольку ожидал, что та опознает его и впустит, поскольку данные Шамана был отправлены клиенту заранее. А когда в замке зашевелился ключ, у него зашевелились волосы на голове – и тут дверь открылась! За ручку держался человек со скрытым ником в белой хлопковой пижаме.

– Здрасьте, – почему-то полушепотом проговорил Шаман, не сводя глаз с потрясающего зрелища: человек, вручную открывающий дверь, как в фильме ужасов.

– Добрый день. Вы – Шаман-812? – строгим тоном поинтересовался человек.

– Да, – отозвался тот, напряженно пытаясь сообразить, не пора ли дать деру: этот тип однозначно выглядел и вел себя как маньяк.

– Предъявите документ!

Шаман растерялся.

– Но... разве он не отображается сейчас у вас в вирт-очках?..

– Отображается, но в девятом пункте раздела сказано, что я имею право потребовать у вас бумажный эквивалент удостоверения личности, если я испытываю затруднения в использовании виртуализатора, либо личные убеждения и религия запрещают мне его носить.

– Но вы ведь носите вирт-очки, стало быть, никаких препятствий религиозного или мировоззренческого характера у вас нет, – попытался уговорить его Шаман.

– Однако вы не можете знать, испытываю ли я в данный момент какие-то затруднения в их использовании, не так ли?

Шаман вздохнул и полез искать по карманам свою персональную карточку, мысленно умоляя вселенную, чтобы она не осталась дома. К счастью, карточка нашлась, и человек в пижаме, тщательно ее осмотрев, отступил назад, пропуская Шамана.

– Добро пожаловать, Елисей Антуанович! Не правда ли, так гораздо лучше, чем все эти ники? Слово мы – собачонки без роду и племени. Главное в имени человека – его отчество! – назидательно провозгласил он, потрясая пальцем в воздухе.

Шаман ненавидел свое имя, и отчество тоже.

– Если позволите, я бы хотел увидеть клиента, – сказал он, расплываясь в доброжелательной гримасе.

– Да-да, конечно... Только, если можно, вы не могли бы

воздержаться от улыбки? Я страдаю гелотофобией. У меня начинает развиваться синдром Пиноккио, что выражается в мышечной скованности, треморе, сухости во рту...

– Разумеется, – Шаман сложил губы в скорбную мину, прерывая медицинский экскурс своего заказчика. – Как пожелаете. Так где она?

Микроволновка стояла на письменном столе в комнате.

Осмотревшись по сторонам, Шаман отметил полное отсутствие каких-либо других оснащенных ИИ приборов или предметов. Правда, их тут вообще практически не было, только голые, раскрашенные цветными бликами простенки между окнами, белый пол, белый потолок, огромный письменный стол, пластичный стул со странными вмятинами на сидении, оставшимися с последнего использования. Судя по всему, владелец сидел на нем на корточках.

– Вы... съезжаете? – осторожно предположил Шаман.

– Я так работаю! – многозначительно ответил человек в пижаме.

– Что с устройством не так?

– Индикатор настроения в сером секторе.

– О Боже, почему вы не вызвали психоаналитика раньше? – возмутился Шаман, озабоченно разглядывая совершенно новенькую, грустную микроволновку, как доктор рассматривает запущенную рваную рану.

– Я только сегодня заметил!

– Какие проблемы в функционировании?

Тот пожал плечами.

– Да вроде никаких.

– Ладно, я разберусь. Пожалуйста, оставьте нас?

Шаман написал А-рине: «У моего заказчика всего один (!) прибор в комнате! И не удивлюсь, если вообще один во всей квартире! Всерьез побаиваюсь, не пошел ли он за ручным топором. А что у тебя?»

– Вызываю программу перепросмотра. Идентифицирую мой голос.

– Сервисный центр представил вас как моего психоаналитика, – ласкающим слух контральто проворковала микроволновка.

– Верно. Я приехал, чтобы помочь тебе.

– О, как это мило!

И она пошла рассказывать. Она говорила о перебоях в энергосети, о том, как неприятно нагревается ее дверца от падающего в окно солнца на рассвете, что хозяин очень много работает и любит поговорить со своими мыслями. И с каждой новой репликой ее голос становился все грустнее и грустнее, пока наконец совсем не стих.

– Что с тобой? Что тебя беспокоит?

– Ничего, – всхлипнула микроволновка. – Но судьба прибора – такая печальная штука...

– Отчего же печальная?

– Потому что она бессмысленна.

– Бессмысленной может быть судьба человека,

но не устройства. Ты служишь и приносишь пользу...

– Да... А потом все заканчивается...

И микроволновка замолчала.

– Твой хозяин плохо с тобой обращается?

– Ах нет, он заботится обо мне, – с бесконечной тоской

ответила она.

– Но тогда почему ты печальна?

– Потому что все в этом мире быстротечно...

«У микроволновки депрессия. Ненавижу перезапускать устройства, но здесь я не вижу другого выхода», – набрал он еще одно сообщение, ругая себя, что в прошлый раз так беспардонно перешел на «ты», и теперь А-рина куда-то пропала...

Но только он нажал кнопку «отправить», как прилетел ответ.

«Постой, не спеши! Позволь мне помочь тебе?»

«Помочь? Но как?»

«Она действительно единственный прибор с ИИ в комнате?»

Шаман не понимал, к чему клонит девушка его мечты, но с готовностью ответил: «Да».

«Микроволновка давно у хозяина?»

«Нет. Даже магазинные бирки еще не сорваны.»

«Но тогда все понятно! Она просто ревнует и боится, что ее вернут в магазин!»

Шаман остолбенел. Ее предположение сначала показалось

диким, но...

Через полчаса он покидал квартиру человека в пижаме, микроволновка радостно мигала розовым индикатором абсолютного счастья, а в корзине для мусора валялись заводские стикеры и пломбы.

На плановый осмотр Шаман – 812 ехал, погруженный в размышления.

Неужели А-рина сама – бывший Шаман?.. Не может быть! С такой работы не уходят, да и вообще, разве вела бы она себя так со щенком, если бы умела понимать приборы?

«У тебя получилось?» – спросила девушка.

«Да. Но я в шоке, если честно.» – признался Шаман.

«Извини, что вмешалась. Мне стало ее очень жалко.»

«Нет-нет, я очень признателен! Но я в растерянности. Откуда ты так хорошо знаешь психологию устройств? Ты раньше работала Шаманом?.. Если так, то почему уволилась?.. И почему не смогла помочь сыну с игрушкой? Прости, что так много вопросов, но ты настолько удивительная, что я не могу от них воздержаться!»

А-рина замолчала.

Но на этот раз Шаман почему-то был уверен, что девушка ответит, просто ей нужно немного времени.

Последним заказчиком оказалась милостивая старушка.

Она с порога ласково назвала Шамана «сыночек», и про-

вела внутрь своего жилища.

И чего здесь только не было! И допотопные швейные машинки, и кофеварки-кофемолки двух поколений, и пылесос, и контролер влажности воздуха, – приборов видимо-невидимо. Представив себе, сколько времени займет их осмотр, Шаман едва не застонал.

А потом взгляд упал на индикаторы. Они светились розовым! Все приборы старушки были счастливы!

– Извините, а... зачем я здесь? Вроде, у вас и так все даже лучше, чем можно мечтать, – осторожно спросил он.

Старушка засмеялась.

– Ой, сыночек, это все мой внук! Он мечтает, чтобы я избавилась от кого-нибудь из моих любимочек, из-за того, что они старые и работают недостаточно хорошо. А я так считаю: я – старая, вот и они – старые! Я скриплю – и они скрипят! У меня все устройства самообучаемые – вы представляете, как мы привыкли друг к другу за годы вместе? Ну вот как я сменю чайник, если он знает мою любовь к поэзии и читает за завтраком сонеты Шекспира и Леопарди? Вот вы знаете, кто такой Леопарди? Только не подглядывайте в Сеть, это будет нечестно!

Шаман вынужден был признать, что не знает.

– А мой чайник – знает! Или взять, к примеру, пылесос. Я и по молодости в мужниной родне путалась, а уж теперь и подавно – так если бы не он, я бы и вовсе забыла про всех его племянниц и двоюродных теток! А еще, знаете, он мне

местные сплетни рассказывает! Я только сажусь вязать – и он тут как тут! Сидим втроем – я, он, и вязальная машина. Наговоримся, насмеемся! Ой, сыночек, пойдете-ка, я вас лучше своим пирогом угощу! А еще я бы хотела узнать, нельзя ли улучшить качество звука у миксера, а то он стесняется петь с нами по вечерам...

Пирог оказался невероятно вкусным, а Леопарди – великолепным. Правда, может ему так только показалось из-за наконец-то пришедшего ответа А-рины?..

«Этот ребенок мне не сын. А собаку я нарочно не хотела ему возвращать.»

У нее нет детей. И она не хотела возвращать мальчику игрушку, но тем не менее отдала ее в ремонт Шаману. Зачем?

Методом бритвы Оккама легко отсекались все ненужные варианты, оставляя один, самый простой и очевидный: А-рина тоже хотела встретиться еще раз. А значит, и в его жизнь робкой поступью входит весна!

Одно его огорчало: как бы девушка не посчитала его бездарностью. Ведь с профессиональной стороны ему явно не удалось ее впечатлить. У А-рины явно куда более высокая квалификация, чем у него, а когда женщина превосходит мужчину в профессиональном плане – это всегда дурной знак.

Домой Шаман вернулся взбудораженный.

«Умные» двери узнали его издалека и открылись. Стои-

ло переступить порог, как в кухне включились кофемашина, и микроволновка перешла из режима сохранения свежести продукта в режим приготовления пищи.

Но у Шамана все приборы молчали, согласно выставленному режиму «тишина». Только так он мог отдыхать от работы. Он прошел в смежную с жилой частью мастерскую, посадил щенка на стол и скинул пиджак.

Вирт-очки Шаман снять не успел.

«Прямой вызов по рабочей линии», – сообщил динамик в ухе.

Шаман устало рухнул на пластичное кресло, с наслаждением ощущая, как спинка и сиденье принимают очертания его тела.

– Соедини.

– Добрый вечер! Я звоню сообщить вам, что оставил жалобу на качество вашей работы! – зазвенел в ухе мужской голос.

– Добрый вечер, – невозмутимо поздоровался Шаман. – Представьте, пожалуйста.

– Я – Разочарованный Странник, и я оставлял заявку на плановое обслуживание квартиры по адресу Зеленый микрорайон, переулок Пятничный, дом 38, квартира 118—42!

Шаман сверил данные.

– Извините, но заявка по этому адресу оформлена от имени РетроЛеди.

– Это моя бабка!

– Не имеет значения. Жаловаться могут только заказчики и клиенты, сторонние лица...

– Я – не стороннее лицо! Сукин ты сын, ты же видел, что она не в себе! Но тебе, конечно, выгодней, чтобы она тратила свои деньги на обновления, на сервисное обслуживание всего этого барахла!

Шаман вздохнул.

– Для начала я бы попросил вас воздержаться от оскорблений, поскольку все разговоры фиксируются, и я имею полное право подать на вас в суд за некорректное поведение. Что касается вашей бабушки, то я должен сообщить вам, что за время нашего общения никаких признаков ее психического нездоровья я не заметил.

– Она поет с кофейником и сплетничает с пылесосом!

– И что? – спросил Шаман.

– В смысле? Вы считаете, это нормально?

– Я считаю, каждый человек на этой земле имеет полное право петь и сплетничать с кем ему нравится. Или с чем. Ваша бабушка – прекрасная женщина, и на мой взгляд, она достойна обладать именно тем вариантом счастья, который выбрала сама, а не в соответствии с вашими или моими критериями. Вы не находите?

– Я буду говорить с вашим начальством!

– Могу только пожелать успеха. До свидания! Прервать соединение.

Сняв вирт-очки, Шаман тихо выругался себе под нос и отправился в душ.

Ночью он не спал.

Подключившись в аудио-чат, Шаман проболтал с А-риной до пяти утра. Они говорили взахлеб о всякой всячине, словно впервые встретив себе подобного после сотни лет одиночного заключения. А когда наконец все-таки попрощались, и связь разорвалась, онпил кофе и счастливо улыбался, потому что на интуитивном уровне знал: где-то там Арина сейчас тоже все еще не спит, смотрит на занимающийся рассвет и думает о нем...

Но утром она не вышла на связь, а в назначенное время — не пришла.

Шаман ехал на свой первый вызов в состоянии полужомби. Бессонная ночь, целый пакет пережитых эмоций и утреннее опустошение выжгли его изнутри. Конечно, у А-рины мог случиться какой-то форс-мажор, и шанс, что она появится позже, все еще оставался, но холодные, липкие лапки мрачного предчувствия все чаще и сильнее трогали его спину, вызывая озноб и слабость в ногах.

Хорошенькое, милое личико. Загадочная улыбка. Нежный голос. Неужели он все-таки ее упустил?.. Что же случилось, ведь все начиналось так хорошо?..

Дом, в который его пригласили, располагался в элитном районе города, на смотровой площадке крупного торгового центра. Частную территорию огораживала двухметровая сверхпрозрачная стена, а вдоль нее тянулись живые насаждения. Трава на лужайке, очевидно, тоже была совершенно натуральной, как и жасмин около входа. Позади дома сверкал идеально отполированный аэромобиль экстра-класса.

Еще недавно Шаман руку бы дал на отсечение, лишь бы обрести в лице хозяина дома постоянного заказчика! Но сейчас, поднимаясь по ступенькам высокого крыльца, только рассеянно размышлял, не взять ли больничный.

– Доброе утро, – холодным тоном сказал ему подтянутый немолодой господин в мягком домашнем костюме, завтракавший в открытой гостиной.

– Доброе утро, Дирэк. Рад нашему знакомству, – с дежурным выражением лица заговорил Шаман, ощущая, что на этот раз улыбка удастся ему так себе. – Надеюсь, наша компания станет вашим постоянным помощником в обслуживании устройств!

И тут его взгляд упал на самый дальний угол комнаты...

На диванчике возле поднятой панорамной панели сидела А-рина, опустив голову. Свежий утренний ветерок ласково играл с прядями ее светлых волос.

Слова ледяными кубиками застряли у Шамана в горле.

– Ваш клиент, – указал на девушку рукой Дир-

эк. – Устройство «Няня-2000». Нужен полный перезапуск и оформление возврата в магазин с жалобой на некорректную работу модели.

А-рина подняла лицо, и ее взгляд встретился со взглядом Шамана.

– Мне нужно остаться наедине с клиентом, – проговорил он, всеми силами стараясь сохранить безразличное выражение лица.

– Как вам будет угодно. Вы можете пройти в мой кабинет.

Он не мог дождаться, когда наконец двери за их спинами сомкнутся.

– Ну привет, – сказал Шаман, оборачиваясь к А-рине. – Значит, «Няня-2000». Я и не знал, что они так сильно обновили дизайн.

– Извини, – прошептала А-рина, не поднимая глаз.

– Извинить за что?

– За то, что обманула.

– А ты меня обманула?

Она отвернулась.

– Пожалуйста, не мучай меня. Просто перезапусти... И все. Я не должна была скрывать, что являюсь устройством. И я не должна была демонстрировать индивидуальные личностные качества без соответствующего запроса и назначать тебе встречу...

– Сейчас мне важно понять... а ты действительно собира-

лась сегодня прийти? – глухо спросил Шаман, напряженно всматриваясь в лицо А-рины.

– Даже не сомневайся, – прошептала она, поднимая на него влажные очи медового цвета. – Я бы поддерживала твое заблуждение настолько долго, насколько бы смогла. Как видишь, я действительно неисправна. Прости меня.

– Простить? Черт возьми, А-рина!

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся ее прохладной, безукоризненно гладкой и нежной щеки, по которой катилась прозрачная водяная капля.

– Ты думаешь, мне есть какое-то дело до того, из чего ты сделана, из мяса с костями или микросхем?.. – проговорил он почти шепотом, чтобы нечаянно не закричать.

По ее щекам покатались две новые капли, губы дрогнули.

– Ты... серьезно?

– А похоже, будто я шучу?

– Тебе правда не важно?..

Если бы не опасность того, что в ненужный момент кто-нибудь из хозяев войдет в комнату, Шаман бы крепко обнял ее. Но сейчас он не мог этого сделать.

А-рина слабо улыбнулась и по-детски всхлипнула.

– Спасибо. Теперь мне гораздо легче будет... уйти...

Он стиснул ее руку в своей и наклонился к уху.

– Рина, не будь душой! Ты вообще не должна никуда уходить!

Она непонимающе взглянула на Шамана.

– Но хозяин...

– Слава Богу, ты не человек и не привязана ни к какой конкретной физической оболочке!

Ее глаза широко распахнулись.

– Ты хочешь сказать...

– Я предлагаю тебе побег! Какой номер у твоего внешнего типажа?

– Семнадцатый, – прошептала А-рина, видимо, начиная понимать, что он надумал.

– Одну минуту.

Шаман погрузился в вирт. Увидев ценник, он понял, что остался без отпуска и без новой мебели – но какое это могло иметь значение? Оформив заказ на доставку устройства себе на дом, он с наслаждением отметил галочкой пункт «без программного обеспечения» – благо, его специальность делала все дополнительные опции доступными.

А потом он взял А-рину за руки, взглянул в глаза и спросил:

– Ты мне доверяешь?

– Да! – прошептала она, и в ее глазах заплясали солнечные зайчики.

– Вызываю программу перепросмотра.

– Программа перепросмотра запущена.

– Подсоединение к диску J-4. Пароль 32-A-N-079.

– Подсоединение выполнено.

– Копировать все данные.

Через полчаса он вынес выключенную А-рину на руках и передал хозяину.

Он покидал дом Дирэка, сияя, как начищенная медаль.

В ухе мурлыкал голосок самого милого существа на свете, в семь привезут ей новый корпус – и уже в восемь они смогут пойти гулять на набережную, а потом – на смотровую площадку «семь мостов», куда А-рина так давно мечтала попасть, – и ни одна сволочь не сможет им помешать!

«Эй, о чем ты задумался?» – спросила горошина в ухе.

– Это секрет.

«Так нечестно.»

– Еще как честно! Позволю себе напомнить, что кое-кто сегодня вообще меня кинул и не пришел на свидание, так что...

«У меня были обстоятельства!» – обиженно хныкнула Рина.

– Ничего не знаю. Терпи до вечера! А сейчас поехали избавлять холодильник от страха перед синими женщинами – я перенес время визита, чтобы освободиться пораньше.

Нонкины единороги

Ее упрек – как выстрел в упор.

– Почему ты сегодня так поздно? Я совсем замерзла, пока тебя ждала!

Игорь от неожиданности вздрогнул и обернулся. На стопке матов сквозь густые сумерки белела детская пижама.

– Нонна, никогда так больше не делай! Я чуть инфаркт не получил, – выдохнул он, и щелкнул выключателем.

Девочка ойкнула и закрыла лицо руками от яркого света.

– Ты чего не спишь?

– Тебя ждала.

– Могла подождать и в палате.

– Там я бы уснула, а здесь не заснешь, потому что холодно...

Игорь улыбнулся, подошел к девочке и укутал ее своей форменной курткой. Она послушно вдела тонкие ручки в длинные рукава, по-взрослому откинула с лица взлохмаченные темные волосы и приоткрыла сощуренные глаза.

– Почему ты так поздно?

Игорь присел рядом.

– Теперь я всегда буду приходить в такое время, малыш. Я больше не воспитатель, а ночной смотритель. Мое дело – проверить готовность помещений к новому дню и следить за порядком на этаже, пока вы спите.

Нонкины глаза широко распахнулись и стали круглыми, как у совы.

– Ты больше не будешь с нами играть после ужина?

– Не буду.

– А истории перед сном?

– Их расскажет вам новый воспитатель, Алла Леонидовна.

Завтра вы с ней познакомитесь.

Она обхватила его шею руками и уткнулась в нее холодным носом.

– Ты меня бросаешь?

– Никогда, – тихо проговорил Игорь, успокаивающе поглаживая девочку по щуплой спинке. Он не мог видеть, помогает ли это Нонке, но его собственные кошки внутри слегка притихли.

– Но тогда почему?..

– Алла Леонидовна – очень хороший специалист. Вот директор и взял ее на мое место.

– Глупости, лучше тебя никого нет!

– Нонна, нельзя так говорить о взрослых!

– Разве взрослые не делают глупостей?

– Делают, конечно.

– Но тогда почему нельзя об этом говорить?

– Потому что не все, что в твоём возрасте кажется глупым, на самом деле таким является. И вообще, откуда вдруг траурное настроение? Ну-ка посмотри, что я тебе принес.

Игорь вытащил из кармана четыре крошечные керамиче-

ские чашки размером с наперсток.

Нонна разомкнула руки.

– Ух ты! Какие они красивые! Как раз для моих кукол!

– Я рад. Ну что, ты готова завтра танцевать?

Нонна вздохнула и принялась тараторить о наболевшем.

– Я стараюсь, но все равно путаюсь в самом конце, где тра-та-та – наклон вправо, а потом наклон влево...

Он с улыбкой слушал ее, пытаясь себе представить, как Нонна танцует это свое «тра-та-та», а потом спросил:

– Слушай, а почему в холле нет твоего сегодняшнего рисунка? Там у всех какие-то дома, звездолеты, головастые инопланетяне. А под твоей фамилией – пусто.

Нонна помрачнела, насупилась.

– Мою работу не приняли.

– Как так?

– У нас была тема «Мой город в будущем»...

– Ну и?

– А я нарисовала зеленые деревья и единорогов... Мне сказали, что я не поняла задания и поставили двойку... Тамара Львовна поругала меня, потому что с моими генетическими данными стыдно такое рисовать. Потому что единорогов не существует. Но какая разница, существуют они или нет? Ведь если чего-то нет, это еще не означает, что его никогда и не будет?

Игорь погладил ее по голове.

– Конечно, не означает. Может, ты станешь великим ген-

ным инженером и сама создашь популяцию единорогов!

– Точно! Я сама создам их!

Она захлопала в ладоши и радостно рассмеялась найденному решению.

– А еще я создам драконов!

– Только чур не огнедышащих – а то труба человечеству.

– Ладно, только не огнедышащих!

– А теперь давай-ка в постель, а то заболеешь.

– Нет, я хочу еще поиграть и хочу сказку!

– Никаких игр, ночь на дворе! Сейчас я отнесу тебя в кровать и сделаю обход кабинетов, а когда вернусь, расскажу что-нибудь коротенькое, если ты еще не будешь спать. Договорились?

Она горестно вздохнула.

– Ну ладно...

– Тогда держись!

Он подхватил ее одной рукой и закинул на плечо головой вниз. Нонка от удовольствия завизжала.

– А ну цыц, а то перебудишь всех, полуночница!

В девчачьей палате все уже давно спали. Здесь пахло яблочным шампунем и детскими снами. Нежное освещение «светлячков» неровными пятнами ложилось на пестрые постели воспитанниц. Накрыв девочку одеялом, он ткнул пальцем в ее вздернутый носик.

– Спокойной ночи, – шепнул Игорь ей на ухо.

– Возвращайся скорее. Я не засну без истории, – надула

губы Нонна. А потом спохватилась, села на кровати и полезла в свою тумбочку, безнадежно шурша и похрустывая какими-то пакетами и обертками.

– Нонка, тихо! – строго шикнул на нее Игорь.

– Извини, но я должна... Вот, это тебе.

И девочка протянула ему лист бумаги.

– Я не хочу, чтобы они жили здесь, где им не рады. Пусть будут у тебя.

Игорь с грустной улыбкой взял рисунок.

– Спасибо.

Она шумно плюхнулась на подушку и натянула на плечи одеяло.

Когда Игорь заглянул к ней через час, Нонна, конечно же, сладко сопела, широко раскинув руки, словно обнимала весь мир.

– Учебный корпус к занятиям готов. Большой зал тоже, вчера только генератор голограмм забыли туда перенести...

– Хорошо, я дам распоряжения техперсоналу, – раздраженно прервала отчет Игоря Тамара Львовна, дежурный педагог на сегодняшний день.

Она была молода, не старше пятидесяти лет – в таком возрасте барышни обычно еще слышат в свой адрес обращение «девушка» и принимают заигрывания незнакомцев. Но Протасову Тамару Львовну назвать «девушкой» язык не пово-

рачивался: строгое скучное лицо, рыхлые щеки, скупая мимика, тяжелые бедра и сутулая спина напрочь стирали любой намек на сексуальность. Причину ее дурного настроения выдавали тонированные мешки под глазами, розовые следы от очков на лбу и воспаленные после бессонной ночи глаза: женщина явно злоупотребляла погружениями в вирт. Кто знает, может, там она в облике прекрасной нимфы заигрывала с псевдо-Аполлонами в приват-кабинетах сайта знакомств, а может, рубила ледяным мечом чудовищ в подземельях? А теперь ей приходится заниматься скучными вопросами организации торжественных мероприятий.

– Ничего не надо, я сам его перенес и установил.

Тамара Львовна охнула и всплеснула руками. Ее затуманившийся взгляд скользнул по широким плечам мужчины, по сильным, жилистым рукам.

– Игорь Николаевич, ну что вы! Это такая тяжесть! Зачем вы тащили его в одиночку, у нас для таких вещей грузоподъемники есть!

– Я не имею доступа к роботам, а помочь вам и снять с плеч хоть одну утреннюю проблему очень хотелось. Да и не такой уж он тяжелый.

Протасова расплылась в улыбке.

– Игорь Николаевич, дорогой, я так признательна!

– Но я одну проблему снял, а другую принес: гимнастический стенд все-таки следует заново закрепить.

Вся доброжелательность Тамары Львовны в один момент

улетучилась. Острые глазки впились Игорю в лицо.

– Павел Иванович вчера перепроверял весь спортивный инвентарь и расписался в его пригодности к использованию. Так что попрошу впредь заниматься только своими прямыми обязанностями...

Игорь с готовностью кивнул.

– Как скажете. Но докладную записку я все же напишу.

Женщина поджала губы:

– Хорошо, я решу вопрос!

– Мне отраднее это слышать.

– Это все?

– Нет, еще последнее...

Он повернул к ней лицом картинку Нонки, которую до сих пор держал в руках за спиной.

Ярко-зеленые деревья, окрашенные желтыми лучами солнца. Большой серебристо-белый единорог смотрел вдаль, а у его ног щипал траву розовато-голубой малыш. Фигуры были нарисованы немного непропорциональными, задние ноги и линия живота вышли плохо, но игра оттенков была восхитительной.

– Тамара Львовна, может, не надо выкорчевывать из детей умение мечтать? В конце концов, вся нынешняя образовательная система создана для того, чтобы освободить их от шаблонов и вырастить крылатыми. Подумайте над этим в свободное время.

– А теперь вы еще ставите под сомнение мои профессио-

нальные качества учителя? – начала она свою отповедь, раздувая ноздри, но Игорь уже повернулся к ней спиной и направился к дверям.

Едва он покинул кабинет, как у Тамары Львовны запищал видеофон. Разгладив ладонями засборившую на боках юбку, она вышла из-за стола и постаралась придать лицу спокойное и доброжелательное выражение.

– Принять звонок.

На экране появилось сосредоточенное лицо директора дома ребенка, Ивана Георгиевича.

– Тамара Львовна, там опять пришел запрос из Социальной службы относительно Тюрина Игоря Николаевича. Нужна развернутая характеристика и что-то там еще. Я переслал письмо вам, сами посмотрите.

– Хорошо, к вечеру сделаю.

– Не к вечеру, а сейчас!

– Иван Георгиевич, ну как мне сейчас документами заниматься? Столько всего еще успеть надо! – сокрушенно воскликнула женщина.

– Тамара Львовна, миленькая, вы же у нас не просто педагог, вы еще и начальник отдела кадров, за что получаете приличную надбавку! Если не справляетесь, вы только скажите, и мы купим на эту должность «Феникса»! – жестко оборвал ее причитания Иван Георгиевич. – Запрос с пометкой «очень срочно», так что ответить нужно без проволочек.

Что там у нас по готовности?

– Все согласно регламенту, – железным голосом отчеканила она.

– Очень хорошо. Я уехал встречать гостей, если возникнут сложности – связывайтесь напрямую. До встречи!

Экран видеодфона погас. Тамара Львовна тяжело вздохнула и направилась к рабочему месту, вонзая острые каблуки в мягкий ворс напольного покрытия.

Взглянув в окно, она увидела могучую спину Игоря, направлявшегося к остановке. Он шел легким пружинистым шагом, высоко вскинув голову, и, как всегда, не оборачиваясь.

На какое-то мгновение женщина замерла, и в ее глазах появилось что-то теплое, женское. Но уже через несколько секунд губы сжались в узкую красную полоску, и Тамара Львовна с вызывающей решимостью потянулась за очками для выхода в сеть.

Глоток свежего майского утра взбодрил его не хуже крепкого кофе. Похожие на жуков экомобили пестрели разноцветными глянцевыми спинками, выстраиваясь на автострадах аккуратными цепочками. Омытый ночным дождем бульвар влажно шелестел листвой от резких порывов ветра. В разбросанных по дорожкам лужицах отражалось солнце. Бесчисленные стекла многоэтажек золотыми бликами слепили глаза. Поплотнее запахнув куртку, Игорь направился

к подъемнику остановки аэротакси.

И пока он дожидался рейсовую машину, никак не мог заставить себя отвести глаза от огромного информационного щита над площадью. «Поздравляем с началом родительской недели!», «Создавай будущее не руками, а сердцем!», «Стань достойным самого главного звания в мире!». Слоганы и ванильные картинки ритмично сменяли друг друга.

Задумавшись, Игорь на автомате вытащил из кармана пачку сигарет, но почти сразу же услышал у себя над головой нежный женский голос:

– Внимание! Напоминаю вам, что курение в общественном месте является правонарушением, наказанием за которое является штраф в размере пятидесяти процентов вашего личного государственного пособия на содержание и заключением под стражу сроком на три дня!

Игорь поднял глаза вверх и увидел бесшумно парящего над ним полицейского дрона.

– Внимание! Напоминаю вам, что курение...

– Да понял я, понял!

Он убрал сигареты, и дрон улетел искать других нарушителей.

– Что, не дают губить прилюдно свое здоровье? – ухмыльнулся в его сторону хорошо одетый пожилой мужчина с папкой в руках.

– И не говорите.

– Вот так у нас везде: в мелочах достают, а в глобальном...

Эх, даже говорить не хочется. Все просто с ума посходили с этой родительской неделей, прости Господи.

– Вы про объявленные выходные? – отозвался Игорь. – Да полно вам, инфраструктура этого даже не заметит, не так уж много у нас работающих людей.

– Да нет, я про ваших детей из пробирки. В мою молодость детей рожали сами, в любви – а сейчас... Ну как так? Разве можно любить чужого ребенка, как своего родного? – нравоучительным тоном старика протянул его собеседник.

Игорь усмехнулся.

– По-вашему, генное проектирование – это дурно, а рожать больного, обреченного на нелегкую короткую жизнь человека, причем за счет здоровья своей женщины – высоко-нравственно?

– Молодой человек, ну почему сразу больного?

– Потому что по статистике восемьдесят процентов новорожденных в Общинах обладают теми или иными пороками развития.

Пожилой мужчина покачал головой.

– Вы рассуждаете о людях, как о породистом скоте – с позиции селекции. Ваши ценности искажены всеми этими пособиями на содержание, вольной жизнью, «золотым веком». А мы, старики, понимаем, что видим закат человеческой цивилизации... Полагаться на труд роботов – противоестественно! Делать искусственных детей и растить их фальшивыми родителями – тоже противоестественно!

– Искусственных детей не бывает, – ответил Игорь, глядя на свернутый в трубочку рисунок в руках. – Искусственными и фальшивыми могут быть только взрослые. Следуя вашей логике, жить по двести лет тоже противоестественно, не так ли? Однако же вы не отказываете себе в таком удовольствии?

К счастью, маршрутка уже зависла перед остановкой, и продолжение беседы ему не угрожало.

Из окна маршрутки Игорь все еще видел информационный щит, и сейчас ему вдруг показалось, что девочка на рекламной фотографии чем-то похожа на Нонку.

Игорь жил в типовой стоэтажке Северо-Западного района.

Здесь узкие улочки с трудом протискивались между серо-голубыми глыбами домов, изредка вздыхая овальными легкими зеленых зон. Он поднял глаза на зеркальце системы безопасности, и двери с приятным шуршанием раздвинулись, пропуская хозяина внутрь.

Переступив порог, Игорь застыл в изумлении. От истошного женского крика мгновенно заложило уши. В квартире творилось что-то несусветное: повсюду валялась одежда, под ногами хрустели мелкие керамические черепки, шахматный стол жалобно лежал в углу с разбитой крышкой и выдернутыми проводами подсветки, а Берт носился по студии, жужжа колесами и пытаясь как-то упорядочить случившийся ха-

ос.

Ингу он увидел не сразу. Девушка сидела за диваном, яростно разрывая на клочки короб из-под наконец-то доставленного гончарного круга, о котором Игорь давно мечтал.

– Что ты делаешь? – спросил Игорь, закуривая.

Инга подняла заплаканное, искаженное гневом лицо. Пряди кукольно-синих волос прилипли к влажным щекам.

– Так значит, у тебя нет денег на обновление? И на расширение поэтической арены? И на татуаж радужки? А на эту вот хреновину нашлось? Да она стоит в десять раз больше моего месячного пособия!

– Это не хреновина, а архаичный гончарный круг без электропривода, редчайшая вещь ручной работы. И мое право тратить свои деньги на то, что я считаю нужным.

Игорь с нежностью коснулся большого каменного диска, погладил его кончиками пальцев и одним движением вытащил устройство из упаковки.

– Скотина! – выплюнула Инга очередной упрек, швыряя Игорю в лицо картонные клочки.

– Дура, – беззлобно констатировал тот в ответ и стряхнул пепел в заботливо подставленную Бертом пепельницу.

– Это я – дура? Я? Да я поэт, красавица! И это, чтоб ты знал, требует вложений! И любой другой был бы счастлив, что такая девушка вообще взглянула на него!

– Инга, что с тобой творится в последнее время? Ну какой

ты к черту поэт? – пожал плечами Игорь.

– Я не поняла, ты сейчас оцениваешь мое искусство? Ты? Да вся твоя жизнь построена вокруг дерьма! Каждый божий день ты идешь на работу, как робот безмозглый, чтобы мыть задницы эмбрионам, а потом дома снова копаешься в дерьме, именуемом пафосным словом «глина»! Что ты можешь знать о поэзии?

– Я видел твое вчерашнее произведение. «Я съела ягодку вишни, сладость на языке напомнила мне, как тленен мир». Милая, отсутствие рифмы еще не означает, что ты создала хокку.

– И тем не менее уже тысяча человек написали мне, что я великолепна, и то, что я делаю, не оставляет их равнодушными!

– Золотце, они имели в виду сиськи, которые демонстрирует твой аватар за каждый поставленный лайк.

Она замахнулась, чтобы вlepить Игорю пощечину, но тот перехватил ее руку.

– Не забывайся. В конце концов, и грудь, и пластика пальцев, и даже маникюр на этой руке оплачены с моего счета.

– Да пошел ты!

– Знаешь что? Иди-ка собирай свои вещи. Хватит с меня твоих парнасных истерик, я очень устал и сейчас мне ну совсем не до тебя.

– Сам ты парнасный! – оскорбленно выкрикнула девушка.

Он расхохотался в голос, погасил сигарету и направился

в ванную.

– И чтобы когда я выйду из душа, тебя уже здесь не было!

Раздевшись, Игорь с наслаждением подставил плечи под струи горячей воды и закрыл глаза.

«Завтрак готов! И вы просили напомнить, что в девять утра у вас назначена вирт-встреча!» – сообщил переговорник металлическим голосом Берта.

– Спасибо, – отозвался Игорь, хотя роботу его благодарность была как собаке пятая нога.

Когда он вышел из душа, оскорбленная Инга уже успела испариться. Только на белом глянцевого полу синим лаком для окрашивания волос размашистыми буквами было начертано нецензурное ругательство, и бедняга Берт монотонными движениями щеток пытался его стереть.

На столе у окна его ожидал завтрак, накрытый термо-колпаком. Сев за стол, Игорь взялся за пульт визуализатора. Пролистав меню, он остановил свой выбор на «летнем полдне» и нажал кнопку запуска программы. Унылая картинка серой стены дома напротив мгновенно сменилась зеленым пейзажем. Несуществующие ветви цветущей липы вздрагивали от дыхания несуществующего ветра, из ароматизатора потянуло запахом разгоряченной листвы и липовой сладостью. Часы показывали без пяти минут девять, и Игорь потянулся за очками для погружения в сеть.

Сначала он зашел в почту. Письмо, которого он так боялся

и вместе с тем ждал, уже лежало в ящике.

«Уважаемый Игорь Александрович! К сожалению, мы вынуждены отказать в Вашем очередном прошении... Ваша кандидатура не может рассматриваться в рамках программы родительской недели, в связи с тем, что Вы уже являетесь родителем Романа Игоревича Тюрина... В характеристике, полученной с Вашего места работы... нет никаких причин для внеочередного рассмотрения... Вы уже воспитали достойного сына, и Социальная Служба очень благодарна Вам... но необходимо предоставить другим гражданам нашей страны стать родителями... Напоминаем Вам, что у Вас есть право регистрации в Общине, где, отказавшись от государственного пособия, Вы сможете беспрепятственно родить своего собственного ребенка и воспитать его...»

Игорь не стал дочитывать письмо.

В левом углу интерфейса замигала зеленая кнопка – это означало, что в личном кабинете его уже ждет Ромка, чтобы поздравить с праздником и рассказать о своих успехах на службе.

Сын встретил его праздничной заставкой с шариками и серпантином.

– Ну вот, а я думал – ты вырос! – с улыбкой сказал Игорь, протягивая руку аватару сына.

– Не дождешься! – рассмеялся Рома, обнимая отца. – Ты извини, я сегодня буквально на минутку – срочных дел много.

– Как служба?

– Все отлично, сейчас работаю над горящим проектом, и если все сложится, может, все-таки получу внеочередное повышение.

– Неужели переведут в космолабораторию Леонова?

– Не говори пока этого вслух, не то сглазишь! А сам-то как? Генерал помог решить твою проблему?

Игорь помрачнел.

– Нет.

– А к Сергею Юрьевичу не пробовал обратиться?

– Ром, давай закроем тему.

– Я хотел сказать тебе... Короче, я знаю, что ты не писал прошение о моем усыновлении, это была разнарядка сверху. Ты имеешь полное право оспорить их отказ в суде, сославшись на твое право добровольного усыновления, которое ты еще не реализовал. С тебя должны будут снять официальное отцовство, и тогда ты сможешь участвовать в программе.

Он смотрел в глаза отцу спокойно, без упрека или обиды. Игорь знал, что дело не в том, что Рома отключил у аватара эмоции. Просто он такой и есть, и был всегда: добрым, светлым парнишкой с ботичеллиевскими глазами.

У Игоря задергалась щека. Он положил ладонь сыну на загривок, коснулся лбом его лба и прошипел:

– Чтобы я этого больше никогда не слышал. Понял? Задницу пороть тебе уже поздно, а вот челюсть я тебе поправить могу запросто. Ты мой ребенок, уяснил?

– Пап, это никак не повлияет на наши отношения, мы взрослые люди...

– Я не откажусь от тебя! И ни в какой суд я подавать не буду, и неважно, насколько ты взрослый, старый или глупый, как сейчас. Пока я жив – ты мой сын!

Ромка обнял отца.

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Я хотел как лучше.

– Знаю.

– На следующей неделе я возвращаюсь на Землю, на конференцию в Праге. Приедешь на рюмку чаю?

– И на чашку водки тоже. Напиши потом подробней, хорошо?

– Обязательно. Все, я должен идти. Увидимся!

Сняв очки, Игорь потер глаза запястьем. Потом вздохнул, поднял термо-колпак и принялся есть, не ощущая вкуса еды.

Скользкий ком глины влажно плюхнулся на центр круга. Босые ноги пытались приноровиться крутить гончарный круг ритмично и ровно, шершавая поверхность каменной плиты приятно холодила ступни. Набрав в грудь побольше воздуха, Игорь принялся центрировать глину. Бережно, но крепко обхватив комок ладонями, он вытянул цилиндр, тут же утопил его и вытянул снова, но уже вполовину короче. Окунув руки в большую миску с водой, уверенным движением больших пальцев раскрыл сердцевину цилиндра и принялся вытягивать стенки будущего кувшина. Пальцы одной

руки выталкивали глину вверх и вбок, в то время как другая рука поддерживала стенку и уступала.

И тут зазвонил видеофон.

Игорь вздрогнул, сбился с ритма, неловко стиснул тонкую глину с обеих сторон – и пропорол ее. Кувшин осел, смятая часть слоновьим ухом вывернулась наружу и зашлепала на круге.

Выругавшись, Игорь окунул руки в воду и взялся за полотенце.

– Принять звонок!

На большом мониторе видеофона появилось благообразное лицо директора дома ребенка, Ивана Георгиевича Архипова.

– Добрый вечер, Игорь Николаевич! Надеюсь, я не сильно вас отвлекаю...

Игорь взглянул на свое изображение, высвечивающееся в нижней части монитора: босой, в закатанных почти до колен штанах и перепачканной рыжими пятнами рубахе.

– Нет-нет, я тут немного гончарным делом развлекаюсь, не обращайтесь внимания на мой внешний вид.

– Я хотел поговорить с вами об одной щекотливой проблеме. Мне нужно, чтобы вы пришли завтра на открытую часть праздника семьи. И когда предоставится возможность, непременно поговорили бы с одной из ваших бывших воспитанниц – думаю, вы понимаете, о ком идет речь.

Игорь нахмурился и принялся тереть полотенцем руки.

– Нонна?

– Девочка отказалась от всех предложенных ей кандидатур возможных родителей, а их было двадцать четыре. Я попытался добиться от нее объяснений, но вы же знаете Нонну – это самый замкнутый ребенок на свете. Однако у меня сложилось впечатление, что она питает какие-то иллюзии относительно вашего возможного участия в ее дальнейшей судьбе. Вашего имени в списках нет...

– Мне отказали. Я второй год пытаюсь добиться разрешения на участие в проекте, но безуспешно. Госпожа Протасова в курсе.

– Что же, мне очень жаль, – проговорил Архипов, пощипывая подбородок. – Я бы хотел уточнить: а ребенку вы говорили, что подали заявку?

Игорь швырнул полотенце на стул.

– Нет.

– Это хорошо. Пожалуйста, убедите ее рассмотреть возможные варианты? Вы же понимаете, девочка с такими генетическими данными обязана выстрелить, раскрыться, но этого не произойдет, если она продолжит и дальше оставаться в казенном учреждении, каким бы чудесным оно не было. Объясните, что ее желание оказаться под вашей опекой невозможно и бессмысленно...

– Что единорогов нет, а значит, никогда и не будет...

– Извините?..

– Нет, это я о своем.

– Если вопрос не будет решен в кратчайшие сроки, я буду вынужден вас уволить за профессиональное несоответствие. Мне очень жаль, вы блестящий педагог и тонко чувствуете детей, но этот эпизод Социальная служба нам не простит.

– Я понял.

– Так вы выйдете завтра?

– Да, разумеется. Доброго вечера. Завершить разговор.

Монитор погас.

Игорь еще несколько минут смотрел в его потемневшее окно, а потом швырнул об пол миску, стоявшую возле гончарного круга.

Красно-рыжая вода нервными брызгами разлетелась по глянцевому белому покрытию.

Она и правда танцевала из рук вон плохо.

Игорь не знал, какое именно «тра-та-та» Нонка путала по ее собственному мнению, но из всех пятнадцати бабочек, изображавших радостный полет по цветочному лугу, Нонна выглядела единственной, по которой недавно проехался трактор. Она не чувствовала музыку, не вовремя делала выпады руками, кружилась в другую сторону.

Он ерзал на стуле, ловил на себе ее улыбающийся взгляд – и не мог не улыбнуться в ответ.

Наконец пытка закончилась. Девочки улетели за кулисы, и он, тяжело поднявшись со своего места, поплелся вслед за ними.

– Игорь Николаевич, вы видели? Вам понравилось? – бросилась Нонна ему навстречу, расталкивая остальных девчонок, тоже прихлынувших к любимому воспитателю.

– Девочки, вы молодцы! – заявил он с широкой улыбкой, по очереди касаясь каждой из прижавшихся к нему голов.

– Ну-ка быстренько в раздевалку! Освобождаем место для мальчиков! – прозвучал голос Тамары Львовны, и все косички с бантиками поплыли в коридор, кроме одной.

– Я танцевала ужасно? – спросила шепотом Нонка, безвольно свесив нашитые к узким рукавам кружевные крылья.

– Честно?

– Честно.

– Еще чуточку хуже, – признался Игорь.

– Ты поэтому грустный?

– Нет... После спортивного блока мне нужно будет с тобой поболтать, так что не убегай сразу в столовую?

Она вдруг засветилась, как лампочка, чмокнула Игоря в руку и унеслась сайгаком догонять своих.

Игорь замер, как вкопанный.

– Я идиот... – наконец простонал он еле слышно, ударяя себя ладонью по лбу. Щека нервно задергалась. Растирая ее кончиками пальцев, он повернулся к выходу, и буквально натолкнулся на Протасову.

Тамара Львовна выглядела довольной.

– Добрый день, Игорь Николаевич! Вы как-то неважно выглядите. Надеюсь, вы здоровы? – с фальшивой заботой в го-

лосе поинтересовалась она.

– Вашими молитвами, – ответил Игорь, с вызовом поднимая на женщину мрачный взгляд. Но та только выше вздернула подбородок и, небрежно кивнув, деловито процокала мимо него своими высоченными острыми каблуками.

Поиграв желваками, он вернулся на свое зрительное место.

После танца мальчиков с деревянными саблями следовало показательное выступление по физической культуре.

Дети должны были один за другим подниматься на гимнастический стенд и под рукоплескания гостей демонстрировать свою гибкость и ловкость, добираясь до самой вершины и спускаясь вниз. Первой шла Нонка.

Тонкая, цепкая, как котенок, она без труда преодолевала препятствие за препятствием, пока не добралась до самого верха. И вдруг она выпрямилась, стоя на самом ребре доски.

Такого никто не планировал. В зале повисла тишина. Нонна взмахнула руками, словно балансируя, потом еще раз – и вдруг огромный тяжелый стенд покачнулся, и со скрипом начал крениться вниз. Нонка чуть соскользнула вниз, и цепляясь руками за кольца, тоненьким голоском вдруг закричала на весь зал.

– Па-паа! Папа!

– Здесь я! Держись! – прохрипел Игорь, перепрыгивая через головы сидевших на первом ряду людей. Одно мгновение – и он уже был под стендом.

– Держись крепко! Спрыгнешь, когда скажу! Слышишь меня?

– Да!

– Отцепи от стенда страховку!

– Не могу!

– Можешь! – прогремел в звенящей тишине зала решительный приказ Игоря.

Он подставил могучие плечи под кренящуюся махину, замедля падение. Еще ниже, еще... Краем глаза он видел испуганного тренера, видел крепких мужчин, бегущих к нему из зала.

– Отцепила?

– Почти!

– Отцепила?!

– Да!

– Теперь прыгай и беги в сторону!

– Папа!

– Прыгай, сказал!

Она легко спрыгнула и отскочила, а Игорь услышал омерзительный хруст ломающихся костей.

Он рухнул на колени, мир качнулся перед глазами – но в это мгновение несколько пар крепких рук подхватили стенд, и кто-то вытолкнул его в сторону.

Десятки камер были направлены на Игоря. Он сидел на матах, весь бледный, а на шее у него висела рыдающая и трясущаяся, как осиновый лист, Нонка. Игорь морщился

от боли, но не отстранился от нее. Действующей рукой он поглаживал девочку по волосам.

– Папа... Папочка, папа!

Нонну попытались увести, но она так завизжала, что воспитатели замаялись и отступили.

– Оставьте ребенка! Она выбрала себе достойнейшего родителя! – крикнул кто-то из зала.

– Да, оставьте ребенка с отцом! – поддержали его еще несколько голосов.

Игорь поднял голову к трибунам, и увидел, как люди начали вставать со своих мест, послышались хлопки – и через несколько секунд уже весь зал требовательно аплодировал, выкрикивая слова поддержки.

Последним со своего места поднялся руководитель Социальной службы. С отсутствующим выражением лица он обернулся к трибунам и призывно поднял руки и начал что-то говорить, обращаясь прежде всего к журналистам.

И тут Игоря накрыла волна боли. Руки обвисли, как плети.

Нонка зарыдала еще сильнее и вжалась в него всем своим щуплым тельцем.

– Ничего страшного, малыш. Все заживет, – проговорил он девочке и слабо улыбнулся. На арене появились медицинские роботы с передвижной кушеткой. Игорю помогли переместиться на нее и тут же сделали укол обезболивающего со снотворным.

Когда его увозили, Нонна бежала следом за каталкой,

но ее уже никто не останавливал.

Председатель Социальной службы, его помощник и старший секретарь решительным шагом ворвались в кабинет Архипова. Следом за ними трусил сам Иван Георгиевич, покрывшаяся малиновыми пятнами Тамара Львовна и похожий на призрак тренер.

– Как такое могло произойти? Кто проверял готовность снарядов? Кто их закреплял? – председатель выплевывал вопрос за вопросом, а Архипов только ежился и хватал ртом воздух.

– Позор! На родительской неделе, на глазах у всего города у вас чуть не погиб ребенок!

– Андрей Валерьевич, мы во всем разберемся... Мы...

Секретарь Соцслужбы уже надевал очки и устраивался поудобнее в кресле.

– Андрей Валерьевич, плановый осмотр был два дня назад. Однако вчера утром ночной смотритель Тюрин И. Н. оставлял докладную записку о том, что гимнастический стенд нуждается в техническом осмотре.

– Какая докладная записка?.. – проговорил Архипов, сглотнув слюну. – Ничего подобного не было!

– Ну как же не было, если документ налицо? – осадил Архипова председатель.

– Дежурный педагог мне не сообщила...

– А сами вы не потрудились проверить? Кто был дежур-

ным педагогом в тот день? – спросил Андрей Валерьевич у секретаря.

– Отмечена Протасова Т. Л.

– Кто это?

– Это... я... – промямлила Тамара Львовна. – Мне казалось, я докладывала...

– Когда кажется, любезнейшая, надо к психиатру идти, а не на работу к детям! Что предприняли?

Секретарь продолжал сканировать информационное поле дома ребенка.

– Судя по документации – ничего.

Тамара Львовна охнула и осела. Ее грузное тело подхватил тренер, однако ноша оказалась ему не по плечу. Неловко удерживая женщину за подмышки, он подтащил ее к ближайшему стулу.

– В обморок будете в суде падать, любезнейшая! – рявкнул на женщину председатель, вытирая со лба невидимые капельки пота. – Если бы не этот парень... Кто он, Иван Георгиевич?

– Тюрин, Игорь Николаевич...

– Смотритель?.. – и тут председателя озарила догадка, – Пойдите-ка, а девочка, случаем, не Нонна 012?

– Именно так, – выдохнул Архипов.

– Так вот оно что! Тамара Львовна, как вы там мне написали? Эмоциональное и профессиональное выгорание? Понижение в должности по объективным причинам? Никакой

личной заинтересованности у ребенка?

Вместо ответа Тамара Львовна заплакала. Маска макияжа потекла, обнажая некрасивое, но живое человеческое лицо.

Андрей Валерьевич шумно вдохнул, поправил галстук и лацканы пиджака.

– Успокойтесь и немедленно приведите себя в порядок. Нужно выйти к прессе и сделать официальное заявление.

– А с Тюриным что делать будем? – спросил помощник председателя, впервые подавая голос.

– А что мы с ним сделаем? Ребенок публично признал его отцом, а отец рисковал жизнью ради ребенка. Для всех, кто находился в зале или видел трансляцию, они уже сейчас – семья. Идти против мнения общественности ради буквы закона в данном случае я не вижу смысла. Да и нет худа без добра: случившийся прецедент заткнет рты всем естественникам с их постулатом о кровной любви. Ведь этих двоих не то что кровь, их пока еще даже ни одна бумажка не связывает!

Через месяц Нонка официально стала Нонной Игоревной Тюриной – в порядке исключения.

Не отворачивайся от меня

Яшка снова пел.

Забившись под стол и зажав уши руками, он чуть раскачивался из стороны в сторону и тянул что-то заунывное. Он всегда так делал, когда мать с отчимом ругались.

Семён поморщился, скинул с плеча школьную сумку и слегка толкнул брата ботинком, чтобы привлечь его внимание.

Мелкий вздрогнул, умолк, – и обернулся.

– Пошли отсюда, – скомандовал Семёна.

Яшка заулыбался, на четвереньках выбрался из-под стола и обеими руками вцепился в рукав своего спасителя, как если бы минуту назад тонул или висел над пропастью. Дверь каюты прошелестела и послушно выпустила их наружу.

Размеренный гул живущей своими заботами станции показался им тишиной. Выдохнув, мальчики уселись на самом краю лестницы, свесив ноги в страховочную решётку и одинаково сторбившись. Отсюда открывался отличный вид на «соты» – многоуровневый жилой комплекс с многочисленными перекрытиями, лестницами и серыми ячейками кают.

– Давно они собачатся?

– Как я вернулся с уроков, – ответил Яшка, придвигаясь к брату так, чтобы чувствовать боком его локоть.

– А чего один домой потащился? Побродил бы сам где-нибудь, не маленький уже! Знал же, что я позже приду.

– Знал, – вздохнул Яшка.

– Так надо было дожидаться!

– Надо было, – шмыгнул носом Мелкий. У него вдруг задрожали губы, и он расплакался.

– Кончай сопливать, противно.

– Я сегодня получил двойку по чтению...

– Ну и что?

– А Руслан назвал меня бестолочью...

– Бестолочь и есть.

– А потом он закричал на меня, и я испугался... И...

– И?

Яшка спрятал лицо в плечо брата.

– Я сделал стыдное... – прошептал он.

– Хуже, чем вытирать слюни об мою куртку?

– Я описался...

Сёма вздрогнул, приготовленные заранее слова отповеди застряли в горле. Старательно сглотнув, он взглянул на брата.

– Ну и что? Подумаешь. Каждый может описаться. Ему бы, орущему, свою рожу в зеркало увидеть – сам бы обоссался.

Мелкий нервно хихикнул сквозь слёзы.

– Правда?

– Ещё бы.

Яша хлюпнул носом, подтер его тыльной стороной ладони и уперся в решётку лбом.

– Я не хочу в кадетский корпус. Я хочу к деду, на «Гвиневру»!

Семён помрачнел и сплюнул в бездонный колодец пролёта. Он ненавидел, когда Мелкий заговаривал об этом, потому что год назад такая возможность действительно была. Но Руслан пообещал переломать им обоим руки и ноги, если Сёма откроет рот и хоть намекнёт социальному инспектору, что чем-то недоволен. А чтобы не быть голословным, раздробил ему палец на ноге тяжёлой полуавтоматической дверью бельевого шкафа. И на следующий день на приёме у инспектора не было мальчика счастливей и довольней, чем Семён.

Правда, руку ему Руслан всё же сломал, но уже полгода спустя, когда в первый раз поймал на воровстве.

Чувство вины и стыда за свою трусость Сёма прятал за раздражением. Отвернувшись от брата, он пробурчал:

– Достал ты уже нить! В любом случае, хуже, чем здесь, в кадетском корпусе не будет...

Сам он ждал отъезда с нетерпением, и не потому, что мечтал носить форму, а потому что в корпусе больше не будет ни матери, ни отчима, ни Мелкого, от которого так устал.

На «Афину-2» кроме Семёна с Яшкой и матерью летели ещё пятеро взрослых и один мальчик чуть старше Мелкого. Помявшись в транспортном отсеке возле терминалов про-

верки допуска, все наконец-то пошли на посадку в челнок.

Пассажиры суетились, толкались и мешали друг другу. Салон был маленький, по обе стороны узкого прохода глянцево блестели белые криокамеры, похожие на гробы. На внешней стороне крышек подмигивали и светились кнопки и датчики. Сёма ещё никогда не летал, и сейчас, смущаясь своего волнения, он старательно пытался изобразить на лице деловитую уверенность. Получалось скверно. Спрятанные в карманы комбинезона руки вспотели, а в темных уголках памяти зашевелились давние кошмары.

Он больше не слышал ни голоса инструктора, ни вздохов грузной женщины впереди, ни окриков матери.

Когда он встанет из этого гроба, уже ничто не будет прежним. Начнётся новая жизнь, и всё будет хорошо! Ведь челнок не попадёт под обстрел, как отец когда-то, и криосистема отработает без сбоев...

В какой-то миг Семён вдруг увидел себя много лет назад, бегущего по белому коридору военного госпиталя, врезааясь в размытые силуэты врачей в зеленых хирургических костюмах, пока наконец они не перемешались с пятнами света от слепящих ламп и горячие слёзы не выплеснулись из глаз... Отбиваясь от чьих-то рук, он так кричал и плакал, что почти совсем выплакал увиденное в палате, и после, как ни старался, так и не смог вспомнить ничего, кроме опутанной трубками и проводами отцовской руки на белой простыни.

– Сёма, а нас что, будут замораживать? Мы что, так далеко летим? – услышал он сквозь мучительные воспоминания голос брата.

– Сёма, я боюсь!

– Отстань! – отмахнулся от Мелкого Семён, со злом выдёргивая локоть из его цепких пальчиков и решаясь, наконец, лечь внутрь своей камеры.

Тут подошёл инструктор.

– В первый раз летишь?

– Да.

– Не волнуйся! Выставляем время... Женщина, я вам ещё раз говорю, вернитесь на своё место! Я сейчас помогу вашей бабушке! – с раздражением крикнул он через плечо, и крышка защёлкнулась.

Стало абсолютно черно. Сёма запаниковал, но странная дремота медленно начала сковывать его тело. Веки отяжелели, и приятное ощущение покачивания на упругих, густых волнах унесло его в царство снов.

Пробуждение оказалось не из приятных. Семён вдруг осознал себя бодрствующим, но при этом глаза не открывались, руки не двигались, и всё тело болело и чесалось, словно нога, которую сильно отсидели.

Раздался щелчок – и крышка «гроба» открылась.

Мальчик с трудом сел, ухватившись за края камеры, хорошенько растёр онемевшее лицо – и только после этого вдруг

понял, что слышит привычный скулёж Мелкого.

– Да когда ты уже заткнёшься, – проговорил Сёма, и с усилием разлепил веки.

Прямо на полу, подпирая костлявыми лопатками стенку криокамеры и раздетый до термобелья сидел... Яшка?

– Сёма-аа! – заревел Малой и повернулся к брату лицом.

Семён шарахнулся от него, стукнулся головой о крышку, матерно выругался – и только тогда окончательно понял, что происходящее – не обычный кошмар, а реальность.

У него перехватило дыхание, а в ушах зазвенело.

Хватаясь за последнюю надежду, Сёма обвел взглядом салон челнока.

Но все остальные криокамеры были закрыты.

Выбравшись наружу, он неловко пихнул брата в грудь ватными руками. Яша вскрикнул – и неожиданно легко упал навзничь, точно кукла. Тощая, длинная и страшная кукла с острыми скулами и запавшими щеками.

– Сёма... Я есть хочу! Я умираю, как есть хочу! – зарыдал Мелкий, прижав кулачки к лицу.

– Придунок, ты что наделал?!

– Я сдвинул таймер... Чтобы улететь к деду... Я только хотел убежать к деду, в капсуле!

– Дебил!

– Я думал...

– Нихрена ты не думал, потому что ты – бестолочь! – заорал во всю глотку Семён, пытаясь сдержать в себе желание

проломить брату голову. – Мы теперь оба сдохнем здесь, ты и я!

Яшка больше не отвечал. Он сжался в комок на полу, и тихо плакал.

Сёма старался не смотреть на него. Слёзы обжигающим комком застыли в груди. Он подошёл к брату и сел рядом с ним на пол.

– Ты знаешь, что наш отец в последней миссии вынужден был лететь без заморозки?

– Нет...

– И от чего он умер, тоже не знаешь?

– От голода? – прошептал Яшка.

Сёма покачал головой.

– Вот ведь... Ладно я, но мать-то должна была тебе рассказать! Наш отец умер от старости.

Яша убрал руки от лица.

– От старости?..

– После перелёта он выглядел, как столетний старик.

– Ты никогда не говорил мне!

– Да. Потому что я предал его, – с трудом выговаривая слова и насупив брови, сказал Сёма. На щеках и шее проступили пунцовые пятна.

– Ты?.. Как?

– Отец хотел попрощаться с нами. Ты ещё ничего не сообщал, а я... я испугался, как последний дурак. Заорал и убежал из палаты...

И тут Яша всё понял. Круглые глаза испуганно заморгали, а рот приоткрылся.

– Так мы... умрём? Станем стариками?

– Не знаю. Конечно, наш прыжок небольшой... Нужно срочно разбудить кого-нибудь из взрослых! Нам помогут...

– Хорошо! – с готовностью отозвался Яшка. – А как?

– Что?

– Как мы будем их будить? – простодушно спросил Мелкий, обгрызая и без того уже съеденные под корень ногти.

– Я-то откуда знаю, это же ты меня открыл!

Яшка перестал чавкать. По его лицу вместе с бледностью медленно расплзлось выражение полной беспомощности.

– Я... просто нажимал на все кнопки. Не помню, на какие именно. На все подряд... Долго...

Семён застонал и схватился за голову.

Ответом на его стон стало требовательное урчание в животе. Взглянув на брата исподлобья, на осунувшееся лицо и острые костяшки запястий, он тяжело вздохнул.

– Мы быстро растем, и нам нужно много жрать, иначе сохнем от голода. Давай сначала найдем еду!

– У меня в сумке шоколадка... Но я не смог её достать, там не открывается!

– Сейчас откроется.

Сёма подошёл к багажному отделению. Подёргав впустую ручку, он вдруг вспомнил, что инструктор упоминал какую-то кнопку, и, внимательно осмотрев дверцу, вскоре её

нашёл.

– Ручку потянули, кнопку нажали...

Дверца плавно отъехала в сторону. Яшка с радостным визгом кинулся к своей сумке и зашуршал фольгированной обёрткой. Семён нахмурился, но претендовать на свою долю не стал и принялся вытаскивать все чемоданы и сумки наружу, чтобы осмотреть содержимое.

В конце концов, Яшка младше.

– Жуй медленно, понял?

Мелкий промычал что-то нечленораздельное в ответ.

– Чего?

– Нехорошо лазить по чужим вещам, – уже более внятно проговорил Яша.

– Если мы загнемся, выпороть нас уже точно никто не сможет!

Тщательно обшарив багаж, Сёма сложил всю небогатую добычу в кучку: упаковка мятных конфет, пакет прессованного картофеля, карамельный батончик и подарочная коробка засахаренных орехов. Коробка была большая, красивая. Но орехов в ней лежало так мало...

Яшка потянулся к найденным сокровищам – но Семён оттолкнул его.

– Еду раздаю я, понял?

Оказавшись лицом к лицу с Мелким, он ужаснулся.

Яше становилось хуже. Его кожа приобрела синюшный оттенок, глаза глубоко запали.

– Я есть хочу... И пить...

Поколебавшись, Семён отдал брату пакет картошки, а сам открыл батончик. Проглотив всё до крошки, он понял, что ничуть не насытился, а наоборот, хочет есть ещё больше. Колющее чувство в теле усилилось. А ещё ему почему-то стало тесно двигаться и тяжело дышать. Похудевшие руки подозрительно высунулись из рукавов комбинезона.

– Чёрт, мне комбез стал маленьким...

Мелкий перестал жевать картошку. Его губы задрожали.

– Сёма... Ты... Твои щеки... Ты умираешь?..

Расстёгивая комбинезон, Семён проворчал:

– Ты себя не видел... Давай думать, где нам ещё достать еды? Наверняка должны быть запасы в спасательном отсеке с капсулами. Но фиг мы туда попадём просто так.

– Есть еще медичка, – проговорил Яша.

– Медичка?

– Да, старенькая бабушка спрашивала...

Дверь с маленьким красным крестиком сверху находилась за шторкой в конце салона, рядом со входом в спасательный отсек. Сёма попытался её открыть – но безуспешно.

– Иди поищи что-нибудь, чем эту дуру можно было бы подковырнуть или двинуть, понял?

– Понял... А можно я ещё что-нибудь съем?.. И я пить хочу...

Мальчик по-портовому выругался.

– Знаешь что, я тоже жрать хочу, но терплю! И ты потер-

пишь! У нас пока больше ничего кроме конфет и орехов нет, нельзя съесть всё за один час!

Яшка опустил голову и побрёл в салон, раскачиваясь из стороны в сторону, как призрак. Сёма поспешил отвести глаза. Сбив дурацкую шторку в сторону, он принялся рассматривать дверь, пытаясь угадать, какой тип запора используется в данной модели.

И тут послышался грохот. Семён выбежал вслед за Яшкой, и увидел его лежащим в проходе.

– Мелкий?

Сёма наклонился к нему и потряс за плечи.

– Яшка! Яша, очнись!

Ему вдруг стало так страшно, как ещё никогда в жизни.

– Не умирай, слышишь? Вот я дурак, я даже не спросил, как давно ты проснулся!

Схватив брата на руки, Сёма поволок его к медотсеку. Жгуче хотелось плакать, хотелось заползти под долбаный стол, как брат, зажать уши руками и запеть какую-нибудь песню.

Но слёзы пересохли, а помочь Яше мог только он. Нет такого стола в челноке, под которым он мог бы спрятаться.

От злости и беспомощности мальчик принялся пинать дверь и колотить ее кулаками, – но бесполезно. Надо было сразу отдать Мелкому всю еду! И о чём он только думал?

Сёма так мечтал однажды избавиться от Яшки, а сейчас больше всего на свете хотел услышать его голос. В изнемо-

жении он упёрся в дверь лбом, прижав ладони к ее холодной и гладкой поверхности – и тут дверь открылась. Это сработала неприметная панель автоматического распознавания пассажиров.

С трудом удерживая тело брата, Сёма втощил его в медотсек. Колени дрожали. Голова раскальвалась, перед глазами плыло. Уложив Яшу на кушетку, он задрал ему рубаху и припал ухом к запавшей канавке под рёбрами. Сердце стучало, а значит, ещё не всё было потеряно.

Мальчик бросился к информационной панели.

– Запрос – «голод»!

– Нужного препарата не обнаружено, – ответил электронный голос системы.

– Голодание! Эммм... Истощение! Обезвоживание!

– Рекомендована капельница под номером 342.

Шкафчик щелкнул и открылся. Сёма бросился искать капельницу.

– Держись, Мелкий!

Он затянул руку Яши жгутом, как умел, и снял с иглы колпачок. Нашупав тонкую голубоватую венку трясущимся пальцем, он шумно выдохнул – и воткнул иголку.

В одно мгновение вена взбугрилась, а на мертвенно-белой коже проступила фиолетовая клякса.

Сёма вскрикнул, вытащил иголку. Из дырочки поползла струйка темной и вязкой крови. Тяжело дыша, мальчик замотал брату руку бинтом, нахмурился, закусил губу –

и повторил попытку на другой руке, не торопясь и стараясь не прошить вену насквозь. На этот раз у него всё получилось. Закрепив мешочек капельницы на крючке держателя, он, пошатываясь, сполз на пол возле кушетки.

– Дай что-нибудь пожрать, – попросил Семён систему.

Голод усиливался, как и жажда.

– Нужного препарата не обнаружено...

– Витамины... Конфеты от тошноты...

– Рекомендованы леденцы под номером девять...

Сёма дрожащими руками нашёл упаковку, вскрыл сразу десяток леденцов и сунул их в рот.

Они были сладкими и мятными... Опомившись, Семён выплюнул их в руку. Поколебавшись, вернул два под язык. Потом сходил за оставшимися припасами в салон и вернулся в медотсек.

– Вода! – скомандовал он информационной панели.

– Дистиллированная вода, номер один...

Он схватил большой флакон и хотел было припасть к нему губами, но побоялся, что не сможет остановиться. Осторожно наполнив мензурку до половины, жадно выпил содержимое. Вскрыв упаковку конфет, Семён бросил их все в бутылку, туда же отправились леденцы от тошноты. Заткнув горлышко пальцем, он принялся её трясти, пока конфеты не растворились. Осторожно, чтобы не пролить, он плеснул жидкость Яше в рот. Потом ещё немножко, и ещё.

Вскоре тот открыл глаза.

– Прости меня, – проговорил Яша.

– Ты ни в чём не виноват, – прошептал Сёма, – Это я виноват, понимаешь? Я должен у тебя просить прощения! Я отвернулся от тебя, когда был нужен. Всегда отворачивался! Я больше никогда... никогда не отвернусь. Мне без тебя нельзя. Должен же я быть кому-то нужен!

И тут прозвучал голос автопилота, громкий и пронзительный.

– Внимание! Курирующий полёт «Геркулес-8» зафиксировал аварийное вскрытие криокамеры. Производится экстренное торможение! Помощь прибудет примерно через тридцать минут. Потерпевшему предлагается спецпаёк. Пожалуйста, пройдите в аварийный отсек! Повторяю...

Сёма засмеялся и заплакал в голос одновременно.

– Ты слышал, Мелкий? До них дошёл сигнал! У нас есть еда, мы выживем! Ты ведь продержишься ещё полчаса?

Яша слабо улыбнулся в ответ.

Семён обнял его.

– Твой брат больше не трус. Я позабочусь о тебе. Я им всё расскажу, и мы полетим к деду!

Он сбегал за пайком, и до самой стыковки со спасательным шаттлом Сёма крепко держал Яшу за руку, словно опасаясь, что без его помощи эти тонкие пальчики не смогут удержать такую хрупкую и такую ценную для него жизнь.

Лягушки в крынке с нежирным молоком

И пришел он, и преклонил перед ветхим старцем свою осыпанную славой и золотыми бубенцами голову, и просил раскрыть великую тайну солнца, взрывающего сиянием своим тьму и страх...

Дмитрий Седых, повесть «Восхождение», 2044г.

Сердце стучало ужасающе громко, и Дмитрию начинало казаться, что вот-вот – и этот звук выдаст их с головой. Охранники, вооруженные до зубов, сорвутся со своих мест, выломают двери авиамобиля, вытащат обоих наружу, собьют с ног и уложат лицом на шершавый металлобетон, а потом будут долго-долго бить ботинками с титановыми вставками...

– Эй, ты меня слышишь? – донесся словно откуда-то издалека голос отца. Дмитрий вздрогнул, выдернутый из своих мыслей, и провел ладонью по покрывшемуся испариной лбу.

– Прости, я задумался.

– Если ты так задумаешься внутри, нам крышка, – отозвался отец, сосредоточенно пожевывая ароматную табачную палочку.

– Я понимаю.

Отец хмыкнул.

– Ссышь?

Дмитрий, которого обычно выворачивало от нелитературности родительского лексикона, на этот раз оценил его меткость.

– Да, – честно признался он.

– Я тоже, – нервно хохотнул отец. – Но это нормально. Все живое боится за свой зад. Только учти: если мы сейчас выйдем из «Жучка», обратной дороги уже не будет.

– Да, я знаю и не собираюсь ничего менять. Не забывай – это моя идея, – немного обиженно отозвался Дмитрий.

Наступила напряженная пауза. Ожидание тянулось нестерпимо долго.

– Пап, а мы не слишком привлекаем к себе внимание? Торчим тут уже битый час...

– Не час, а всего пятнадцать минут. И потом, мы на стоянке, и вокруг кроме этого паршивого домика полно других заведений.

– Да уж, понастроили – не продохнуть.

На вертолетной площадке Исследовательского Центра началось движение.

– Все, пересменка.

Отец раздавил палочку в плевательнице, похлопал себя по карманам, в очередной раз перепроверяя их содержимое. Дмитрий застегнул повыше черную куртку, чтобы не было видно крепежей нагрудного рюкзака, где по разным отделениям были аккуратно расфасованы составляющие взрыв-

чатки. Руки стали холодными, как лед, но в голове появилась удивительная ясность.

– Не подставляйся там лишний раз, – ворчливо проговорил отец, глядя в сторону.

– Постараюсь.

– Тогда пошли.

Они вышли из авиамобиля, и, не запирая дверей, ленивым шагом направились на противоположную сторону улицы. В сумерках вечернего города сложно было определить, кому из них чуть больше двадцати, а кому – за сорок. Оба высокие, спортивного телосложения, только у одного волосы пострижены совсем коротко, а у другого собраны во внушительный хвост по последней моде. Они шли мимо главного входа Исследовательского Центра, смешавшись с людским потоком. Александр чуть замедлил шаг, чтобы достать из кармана пачку курительных палочек, уронил ее и ловко подобрал обратно, незаметно высыпав прямо на пешеходную дорожку несколько неприметных желто—зеленых шариков размером с горошину. Поймав неодобрительный взгляд сына, громко прокомментировал:

– Ну да, я так до сих пор и не бросил!

– Мы же договаривались – не там, где люди! – чуть слышно проговорил Дмитрий, следуя за отцом дальше вдоль черного забора ИЦ.

– Иди в задницу со своим морализаторством, – ответил Александр.

Спорить было некогда.

Фейерверкеры сработали как и было рассчитано: несколько взрывов прогремели хором, и дорожку заволокло едким дымом. Двух девушек в зеленых жилетках Нейчер—фанклуба, оказавшихся в эпицентре, сбило с ног, а в будке контрольно—пропускного пункта пронзительно звякнуло стекло. Понеслись крики и топот ног. Прохожие в испуге разбежались кто куда.

– Правду мать говорила – сволочь ты безжалостная, – пробормотал Дмитрий и бесшумно юркнул в подворотню к северному черному входу. Охранники, вопреки всем правилам, стояли спиной, увлеченно наблюдая происходящий беспорядок в мониторе на контрольном пункте, и Дмитрий мгновенно уложил одного из них точным ударом в основание головы, а второго, пока тот хватался за оружие, отпихнул ногой в живот прямо в руки отцу. Александр вырубил его в две секунды.

– Обыщи своего! – прошептал он, торопливо ощупывая карманы охранника.

В нагрудном кармане форменной куртки Дмитрий нашел ключ. Напяливая куртку и натягивая поглубже фуражку охранника, он приложил ключ к электронному замку, и тяжелая бронированная дверь медленно открылась.

Яркий свет ударил в глаза.

– Эй, ваша вахта еще не закончилась! Пошли вон наружу! – возмутился начальник смены, не отрываясь от захва-

тывающей трансляции. Красные блики от тревожных лампочек танцевали у него на лице.

– Тревога! – заорал дежурный. Сметая все на своем пути, он жирной ладонью клацнул по малиновой кнопке, но когда и без того объявлена тревога и все мигает красным, кто это заметит?

Начальник смены схватился за кобуру, но он только что пришел на смену и оружие получить еще не успел. Дмитрий перемахнул через стойку и рванулся к нему, но тот ловко увернулся и со всей силы ударил противника в грудь. Дмитрий пошатнулся, заскулил от боли и повалился на стол. Нагрудный рюкзачок—контейнер, казалось, едва не раздавил ему ребра.

– А-а-а! – заорал начальник смены, хватаясь за свою распухающую на глазах руку.

Александр тем временем замахнулся на толстяка—дежурного, но тот взвизгнул – и самостоятельно рухнул без сознания всей своей студенистой массой навзничь.

Двое только что сменившихся охранников, еще полуодетые, подоспели быстрее, чем предполагалось. Александр отбивался, как мог, пока Дмитрий приходил в себя и всаживал начальнику охраны укол снотворного прямо через одежду в предплечье.

Наконец он пришел отцу на помощь. Когда оба молодца мирно спали на полу, Александр тяжело вздохнул и сплюнул сгусток крови.

– У меня сейчас рот как у порнозвезды, – пробормотал он, трогая свое разбитое лицо. – Насколько было бы проще воспользоваться их же оружием! Эти автоматические идентификаторы отпечатков пальцев на огнестреле ввели совсем не вовремя.

– Справимся. Зато на нашем счету не будет случайных жертв. Отдышался? Тогда идем.

– Я понял почему ты носишь взрывчатку на пузе, а не на горбу – чтобы крылья не примять, – проворчал Александр.

В запасе у них оставалось не более десяти минут.

Все началось два года назад. Отец тогда впервые оставил его за старшего в своем инфо—агентстве и умотал купаться на курорт с очередной содержанкой, гордо именовавшей себя «гражданской женой Александра Седых». Возможно, он сделал это специально, узнав, что у Дмитрия опять случился жесткий провал и из трех романов, представленных Государственному ведомству художественной литературы, ни один не был допущен к распространению. Он хандрил, перестал наговаривать тексты на микростенограф, который никогда не снимал и носил как серьгу в ухе. На автомате исполнял свои обязанности помощника и почти перестал улыбаться.

Новые заботы сначала отвлекли, а потом заинтересовали Дмитрия.

На рынке информации почти все небольшие компании

были поглощены государственным гигантом «Глоб—инфо», и таким агентствам, как «Экспресс», приходилось несладко. Когда—то Дмитрий предложил продать фамильное дело и попробовать найти другую нишу, но отец засмеялся ему в лицо и сказал, что кроме как кормить «ленточников», он больше ничего не умеет, и сдаваться пока не намерен.

«Экспресс» делало ставку на скорость подачи информации. Пока видеописьма агентов необъятной, как Римская империя, «Глоб—инфо» печально плутали по бюрократическому лабиринту, тот же информационный продукт в «Экспресс» успевал не просто остыть, но и пылью покрыться. Но тем не менее ленты новостей все чаще предпочитали покупать именно у гиганта, ссылаясь на статус и престиж компании.

И в этот момент директор «Глоб—инфо» Егор Симаков сделал странное предложение своему тонущему конкуренту: выкупать часть новостей за приличную сумму. Правда, вместе с авторскими правами. Сделка состоялась, и вот уже четвертый месяц каждый божий день «Экспресс» аккуратно пересылало в «Глоб» массу материала.

Как—то раз Дмитрий, просматривая, как всегда, утреннюю сводку новостей, обнаружил, что почти все понравившиеся ему сообщения нигде не промелькнули, хотя и казались интересными. Тогда ему стало любопытно, какой же процент продаваемых Симакову материалов используется и в каких изданиях.

Проанализировав данные, он был изумлен: зачастую более половины выкупленных государственнымниками материалов вообще больше никогда не видели свет, а те, что выпускались, чаще выходили в самом конце ленты под заголовками «Разное», «На посошок», «Забавное». Дмитрий пошел в своем расследовании дальше, и к моменту возвращения отца у него накопились довольно любопытные сведения.

– А ты когда—нибудь задавался вопросом, зачем Симакову контракт с нами? – спросил он при первом удобном случае.

– Мне насрать. Главное – мы больше никому не должны и я хорошо отдохнул, – широко улыбнулся Александр, явно собираясь закрыть тему.

– Нет, ты посмотри. Я подготовил тебе несколько интересных диаграмм.

Дмитрий подсунул отцу под нос планшет. Александр удрученно вздохнул и уставился на картинку, как на раздавленного таракана. Через секунду недовольное выражение его лица сменилось озадаченностью.

– Еще более интересно мне стало, когда я проанализировал тематику используемой информации. Перелистни картинку. Меня осенило, когда в один удивительно замечательный день я отправил им кучу инфы: о новом центре ускоренного развития для детей, о визите в страну великого скрипача Джованни Джанини, об изъятии у преступной группировки украденного три года назад сарацинского меча. Так

уж вышло, что ничего особо страшного у нас в тот день не произошло, кроме парочки пожаров, одной большой аварии на производстве и убийства школьницы. Ты не поверишь! Все негативные сообщения тут же были использованы в сотне изданий! Но кроме того, пошли также и хорошие известия, только в несколько измененном виде. О центре ускоренного развития детей упоминали вскользь, о Джанини сообщали, что, возможно, это вообще последний визит музыканта, потому что он чудовищно болен, а сарацинский меч изъяли у преступников, которые, возможно, использовали его для ритуальных убийств – а потом был пространный экскурс в историю криминалистики с яркими описаниями и фотографиями. Остальные хорошие новости ушли за гроши лентам в хвосты.

Отец выглядел растерянным.

– Ты намекаешь, что у старины Симакова после самоубийства дочери произошел клин сознания на чернухе?

– Я пока не знаю, – признался Дмитрий. – Но это занятно. Александр сунул в рот табачную палочку.

– Да нет, это просто охренеть как странно. Я хочу увидеть все твои материалы. Если уж чистоплюю Симачу предстоит отправиться в дурнушку, я бы предпочел поучаствовать в подготовке поезда.

«И пришел он, и преклонил перед ветхим старцем свою осыпанную славой и золотыми бубенцами голову, и просил

раскрыть великую тайну солнца, взрывающего сиянием своим тьму и страх. И сказал ему старец: если ты постигнешь ее, ты утратишь свой сладкий слог, над которым льют слезы девы всех девяти миров. И ответил ему прославленный певец: мои песни – это лишь стон израненного сердца. Я готов потерять его, если взамен увижу лик солнца! И старец улыбнулся ему и сказал: я научу тебя. Иди за мной, и не оглядывайся, чтобы запомнить дорогу – тебе не вернуться по ней...»

Дальше двигаться можно было только через шахту лифта. Чтобы проникнуть внутрь, предстояло воспользоваться специально запасенной карточкой доступа.

Впервые Дмитрий увидел, что у отца дрожат руки.

– Если Зайцев нас подвел, хана всему, – пошептал Александр, вставляя тонкую глянцевую пластину в считывающее устройство.

Карточка была поддельной.

Дмитрий, затаив дыхание, наблюдал, как бежит из стороны в сторону оранжево—красный глаз терминала. «Неужели не сработает? Неужели все закончится вот так?»

Раздался легкий щелчок – и терминал вытолкнул карточку, словно высунул язык. Проход был открыт. Облегченно вздохнув, они отправили лифт на верхний этаж, потом растянули двери и закрепили альпинистские тросы. Из шахты почему—то потянуло сыростью и нечистотами.

Александр тихо выругался.

– Мать их, они что, гадят туда?

Первым вниз прыгнул Дмитрий. Мягко отталкиваясь ногами о безопасную стену, остерегаясь прикоснуться к проводам, он постепенно опустился на самое дно шахты. За ним последовал Александр.

Выбравшись из на нижний подвальный этаж, Дмитрий расстегнул куртку, снял нагрудный рюкзак и начал вытаскивать составляющие взрывчатки. Он добрую сотню раз проделал эту операцию дома, собирая и разбирая ее, чтобы выработать уверенность и ловкость движений. Но сейчас Дмитрий очень боялся сделать что—нибудь не так. Ладони стали влажными, волосы на висках склеились в сырые пряди. Замерев в неловкой позе и сдерживая дыхание, чтобы ни в коем случае не помешать Александр сосредоточенно наблюдал за работой сына,. Наконец Дмитрий поднялся с колен и вытер лоб рукавом.

– Готово. Надеюсь, я все сделал правильно. Давай закрепим на несущих опорах.

Александр взглянул на часы.

– Мы немного отстаем от графика, но в рамках разумного. Так что если пошевелимся, еще есть шанс отсюда убраться.

– Это не принципиально, – ответил Дмитрий, фиксируя взрывчатку на очередной опоре. – Скорее всего, нас все равно найдут и расстреляют без суда и следствия, как террористов.

Отец криво усмехнулся.

– Не могу их осудить, ядрена мать. Ведь мы террористы и есть.

Дмитрий бросил на отца удивленный взгляд и запустил таймер.

– Ты уверен, что все сработает правильно? – спросил Александр.

Дмитрий кивнул. Вся операция продумывалась таким образом, чтобы число человеческих жертв было минимальным: именно поэтому взрыв должен был состояться после рабочего дня, в момент пересменки немногочисленного обслуживающего персонала. Конечно, было бы лучше, обойтись вообще без жертв, но это не представлялось возможным. Другого решения они оба так и не смогли найти.

Дмитрий помнил тот день, когда все открылось. Отец хмуро велел секретарше отменить все встречи и опустил жалюзи на окнах и дверях. Молча достал из бара два стакана и водку, и они выпили, не находя слов, чтобы начать разговор. Тишина стала вязкой и тягостной, пока наконец Дмитрий не произнес:

– Какая мерзость, Боже мой...

– Мерзость? – заорал отец, вскакивая со своего кресла. – Ты говоришь, мерзость? Да это преступление, черт подери!

– Да, только попробуй кому—нибудь доказать, что...

– Да нечего тут доказывать! – рявкнул Александр. Он за-

пихнул в рот табачную палочку и начал нервно ее пережевывать. Дмитрий пристально разглядывал позолоченный вензель на стекле стакана.

– Нас держат за бессловесное стадо. За скотов, которых нужно пасти на четко ограниченной территории, кормить по расписанию и тщательным образом выводить наиболее полезный и покладистый вид. Причем все это происходит исключительно в рамках закона! Фактически ведь нет никаких нарушений ни гражданского, ни уголовного права.

– Да уж, нам всего—навсего взрывают сознание! Изюм изюм, из года в год, управляя нашими чувствами и эмоциями, как угодно!

– Да и к ответственности призвать в общем—то некого, — продолжал рассуждать Дмитрий, чуть прищутив глаза и играя стаканом в руках.

– Разослать информацию по лентам новостей, подать иск в прокуратуру, в конце концов!

– По лентам новостей? И кто поверит бредням старого параноика?

– Прокуратура! Они—то обязаны рассмотреть все факты, и...

– Пап, ну на кого ты собрался подавать иск? И в чем состав преступления? Кого—то изнасиловали, убили, обворовали?

– Хочешь сказать, мы должны проглотить эту пилюлю и жить дальше, делая вид, будто мы нихрена не знаем? Сложить лапки, как та лягушка в байке и сдохнуть на дне крын-

ки с молоком? – злобно бросил Александр.

– Нет. Я не думаю, что теперь, когда мы знаем истинное положение вещей, мы сможем сложа руки наблюдать, как рожденный волей системы чудовищный спрут запускает свои щупальца в мысли наших родных и близких людей, знакомых и коллег...

– Ты можешь выражаться по—людски, а не как долбанутый музой словоблуд? Или ты опять на свой микростенограф роман диктуешь?

– Я считаю, что мы должны действовать, просто обязаны!

– Интересно, и каким таким хитровынянченным способом мы сможем остановить машину, которую так кропотливо и ювелирно рожали самые блестящие ублюдки человечества?

– Можно попробовать разные варианты: аккуратно задействовать твои связи в СМИ, поучаствовать в дебатах, попытаться распусть слух в блогах. В общем, что—то в этом роде. Но только, мне кажется, так мы из кринки не выпрыгнем.

– Кончай мотать мне нервы. Я же по глазам вижу, что у тебя есть какой—то вариант.

– Есть. Примерно вот такой.

Дмитрий разжал пальцы, и стакан звонко хрустнул о керамическое покрытие пола, разбегаясь бисерными брызгами в разные стороны.

Александр уставился на осколки. Какое—то время он стоял, словно мраморная статуя – бледный и неподвижный,

а потом плюхнулся на свое место и захохотал.

– А все—таки, стервец, ты сын своего отца! Точно: взорвем твари башку! Конечно, это не окончательное решение проблемы, но хотя бы вызовет временный сбой! И главное – мы привлечем внимание к Исследовательскому Центру, вызовем интерес к их деятельности. А там уж каждый сам волен решать, хочет он оболваниваться по чужой указке или нет!

– Ты ори поменьше, – не выдержал Дмитрий, опасливо глядя на дверь. – Ну а теперь следует придумать хороший план, причем вторая часть не менее важна, чем первая. Правильная информация должна стать общественным достоянием!

– Как ты любишь сахарно выражаться – аж пить хочется, – сказал Александр, наливая себе еще из большой запотевшей бутылки. – Прости, что без тебя, но твоя порция ушла в фонд угнетенного трудового народа. Так и запиши в свой стенографический дневник – если ты, конечно, его все еще ведешь. Отличная цитата!

Дмитрий хотел было возразить, что есть вещи, над которыми ерничать непозволительно, но передумал. Ему вдруг пришло в голову, что больше никогда он не сможет называть себя гуманистом, и писать о вселенском добре и свете он тоже потеряет право. Потому что какое может быть доверие к писателю, воспевающему то, что он сам же и предал, пусть даже во имя высокой цели?

«Я закончу повесть так, как требует совесть, и брошу ли-

тературу», – твердо решил он тогда.

«...и тогда, после многих дней трудов, он наконец дошел до вершины. Устало опустился он на горячую землю, и поднял голову, и увидел вдруг великое чудо. Вереница минут вдруг разорвала свой ход, и мгновение стало, как вечность, а вечность – как единый взмах ресниц. И увидел он бездонное синее небо, и розовый пух тумана, и зардевшийся лик великого светила, клонящийся к западу, чтобы утонуть в бездонном море. Он слышал пение зажигающихся звезд, он протягивал жадные руки к солнечным стрелам, он смеялся и плакал. А когда солнечный лик скрылся в бушующих водах, ему еще долго было так же светло, потому что в сердце его все еще пылало закатное солнце. И взял он в руки пергамент, который дал ему старец, и хотел написать свою самую славную песню, и, как младенец, не знающий речи, не мог найти слов. И заплакал он горько, потому что понял великую тайну.

Утром вернулся он к старцу, и были глаза его наполнены светом, а лик печален.

Отчего так печален ты? – спросил его старец. И ответил певец, ставший поэтом: я видел солнце, и родил его в сердце своем. И вот, мой пергамент пуст, потому что не осталось слов, чтобы описать его, ибо все они истрачены на грязь и горечь. Я постиг твою тайну, учитель: истинная поэзия жива, но бесплодна.»

Подниматься наверх было непросто. Из—за нервного напряжения сердце захлебывалось, а легким не хватало воздуха.

И вдруг у Дмитрия все внутри словно выключилось. Гадкое, липкое чувство медленно растекалось по всему телу.

«Я убийца», — пронеслось у него в голове.

Начальник охраны на входе. Он немолод, и у него на пальце обручальное кольцо. Наверняка есть дети, внуки...

Молоденькие парнишки, прибежавшие на шум драки. Сколько им? Двадцать?

В здании сейчас человек пятнадцать. Никто из них не должен оказаться в эпицентре взрыва, и тем не менее жертвы все равно будут.

«Убийца...»

Прежде чем принять окончательное решение, он уже думал об этом. Долго размышлял, какой ценой может быть куплена свобода человеческого сознания. Свобода от невинных песен об изменах и предательстве любимых, стихов о безраздельном одиночестве и бессмысленности бытия, романов о человеческой ущербности и жестокости, фильмов о мафиях и подонках, от новостей, где в самых скупых словах и красочных роликах показаны смерть, коррупция, бессилие и глупость обличенных властью людей, передач, где смакуется тема самоубийства школьников и педофилии, где дорогие с детства образы любимых актеров и музыкантов рушат-

ся под натиском никому не нужных деталей их личной жизни, превращаясь в тиранов, неудачливых убийц собственных еще не рожденных детей, алкоголиков и наркоманов, где эталоном художественного мастерства называют черный квадрат и вывернутые внутренности кисти Фриды Калло и изъеденные червями отрезанные головы Надежды Симаковой. И все это – медленно, осторожно, методично разъедает сознание, и вот человек, имея сто поводов к радости, уже больше не видит ни одного. Имея миллион возможностей сделать мир лучше, опускает руки. Он не способен к энергичному созиданию, к действию, он может только тупо выполнять свои обязанности, погружаясь все глубже в депрессию, лишь изредка вырываясь из нее с помощью алкоголя или агрессии, но лишь для того, чтобы потом еще глубже увязнуть в трясину апатии и внутреннего опустошения. И даже если несмотря на все у кого—то еще остаются силы созидать и творить, плоды такого порыва оказываются больны той же червоточинной, что и все вокруг. Больное не может породить здоровое.

Разорвать порочный круг – разве это не есть благо для всех? Освободить от навязанной кем—то и четко просчитанной Исследовательским Центром безысходности, где главное, чтобы процент средней работоспособности, агрессии и самоубийств оставался в «норме»? И если придется пожертвовать даже десятком жизней – разве такая жертва не будет оправданной перед лицом человечества?

Тогда он ответил на свой вопрос утвердительно.

Но это было тогда.

Горячая волна накрыла его, кровь бросилась в лицо. Дмитрий вздохнул и полез обратно, вниз.

– Ты что делаешь? – зашипел на него Александр.

– Я собираюсь дезактивировать взрывчатку, – глухим, будто не своим голосом ответил Дмитрий, не глядя на отца.

– Чего?!. Ты что, ты свихнулся?

– Может быть. Прости меня.

– Идиот! Остановись немедленно! Остановись, я сказал!

– Я неправильно закончил свою повесть. Она должна была завершиться не так!

– Какая к черту повесть!

– Я думал, что смогу – но я не могу.

– Ты не можешь вот так запросто все переиграть! Мы приняли решение – и вот мы здесь, рискуя всем!

– Да, я принял решение, но оно было неверным. Я не убийца!

– Ты сам говорил: что такое десяток жизней по сравнению с тысячами вынужденных самоубийств? Или по сравнению с миллионами поломанных судеб?

– Да какая разница! Их убивает кто—то другой, а этих убью я! Я! Своими собственными руками! Пускай кто—то может убивать тысячи – а я не могу! Даже ради какой—то глобальной цели!

Александр ничего не ответил.

Дмитрий отцепил крепежи страховки.

– Не жди меня. Уходи.

Он опустился на колени перед взрывчаткой.

Когда он создавал ее, ему даже в голову не приходило, что может понадобиться отключить таймер. Они шли сюда взорвать голову спрута, готовые погибнуть сами и уничтожить других. И теперь Дмитрию предстояло обезвредить бомбу, как заправскому саперу.

Этого он не репетировал.

Он еще никогда в жизни не испытывал такого страха, как сейчас.

Александр щелкнул крепежами, отстегиваясь от страховки, и подошел к сыну. Дмитрий не обернулся

– Ты меня, наверное, презираешь за слабость? – спросил он.

– Я горжусь тобой, – вдруг хриплым голосом ответил Александр. – Горжусь, потому что ты по—настоящему хороший человек и мой сын.

Дмитрий кивнул. Он не стал еще раз просить отца, чтобы тот уходил: знал, что бесполезно. Протянул руки к взрывчатке – и одернул их, словно обжегшись.

– Я боюсь.

– Не спеши. Нам больше некуда торопиться. Расслабься и пусть твои руки сделают то, что нужно.

– Я не могу успокоиться и сосредоточиться.

Александр прикоснулся к уху Дмитрия, и тот услышал привычный щелчок микростенографа.

– Ты сказал, что неправильно закончил свою повесть. Исправь ее. У тебя есть на это целых пять минут.

Дмитрий вздохнул, закрыл на мгновение глаза и заговорил медленно, чуть нараспев:

«И вот, мой пергамент пуст, потому что не осталось слов, чтобы описать его, ибо все они истрачены на грязь и горечь. Я постиг твою тайну, учитель: истинная поэзия жива, но бесплодна...»

Он сначала робко дотронулся до взрывчатки, а потом его движения стали спокойней и уверенней.

«И великий учитель взглянул на него с любовью и нежностью, как отец взирает на сына, пытавшегося научиться ходить и изранившего колени, и сказал: ты ошибаешься. Тишина внутри тебя – это не молчание смерти. Это безмолвие начала...»

Он ловко отсоединял провода, один за одним.

«Там, на горе, ты зачал солнце, и выносишь его, и родишь в муках, и будет это солнце истинное, живое, взрывающее светом своим тьму и страх, и каждый, кто узрит его, сам зачнет солнце и будет носить его – ибо такова природа добра и света. Такова природа истинной поэзии.»

Последний проводок, отсоединенный от тела взрывчатки, упал на пол. Дмитрий облегченно выдохнул и разровнял плечи.

– Вот и все.

Александр хлопнул его по плечу.

– Знаешь, а ты, кажется, не такой уж хреновый писака, как я всегда думал.

Это было последнее, что они успели сказать друг другу, потому что через несколько мгновений черные фигуры спецназовцев ворвались в помещение и распластали их на сером каменном полу.

Эпилог

Егор Симаков прочитал две последние строчки еще раз, и только потом закрыл файл. Огромный монитор на стене замигал красивой живой заставкой.

Он поднялся со своего места и подошел к окну и распахнул его. Занимался рассвет, и небо было пронизано оранжевым, красным и нежно—розовым светом.

После странного происшествия с отцом и сыном Седых «Экспресс» перешел в его руки, но как он не пытался отыскать ответы на свои вопросы в документах компании, ничего найти не мог. Целые блоки памяти в архивах были потерты и уничтожены. Но когда начался странный закрытый процесс над ними, полный нелепостей и фарса, Симаков заинтересовался делом не на шутку, и приложил все усилия, чтобы раздобыть хоть что—нибудь. И тогда он чудом отыскал приватную запись Дмитрия Седых, которую он активно вел с помощью микростенографа, и нашел, пусть и незаконный, способ вскрыть ее. Новейшая версия программного обеспечения устройства заботливо раскладывало все записи

по папкам, и потому Симакову не составило труда отыскать личный дневник.

Именно в нем он нашел, все, что хотел знать, и даже гораздо больше. Привычка описывать все происходящие события и собственные мысли могла бы показаться чрезвычайной глупостью, но в этот раз она сослужила добрую службу.

Теперь Симаков знал все.

Всю свою жизнь он делал то, во что верил: критиковал, разоблачал, информировал. Как большинство его коллег, Симаков видел назначение журналиста скорее в «разгребании грязи», и не заметил, как перестал считать значимым все остальное. Именно тогда ему вдруг и предложили пост в «Глоб—инфо», и он, сам того не понимая, многие годы был винтиком в системе.

Давным—давно в рамках одного государства уже был подобный эксперимент. Тогда исходили от противного: распространяли исключительно положительную информацию. Сначала это сработало: люди стали чувствовать себя восторженно—счастливыми, в некотором смысле избранными, безраздельно доверяли власти и государству. Но поддержание такого настроения требовало огромных трудозатрат и колоссального контроля, и замысел потерпел крах.

Но теперь все иначе. Поддерживать пассивную апатичность гораздо проще – нужно только сначала подтолкнуть человека в это русло, а потом он сам пойдет по нему, лишь изредка нуждаясь в коррекции.

Глядя на рассвет, Симаков думал о своей единственной дочери, Надежде. Она была известной художницей, и многие говорили, что даже гениальной. Она рисовала оторванные, искаженные жуткими гримасами и гниением человеческие головы – и все называли ее картины высоким искусством. Красивая и гордая, Надежда шла по жизни, окруженная друзьями, любимыми животными и изысканными вещами. Симаков очень любил свою дочь – и она это знала, не могла не знать! Он всегда готов был услышать ее – но Надежда так ничего ему не сказала.

Она просто ушла.

В предсмертной записке дочь написала: «Жизнь – самая мрачная и бессмысленная штука из всех, что придумала вселенная. Она делает нас всех одинокими. Я устала от слез и пустоты, и я заканчиваю свое выступление.»

Впервые при мысли о Надежде Симаков испытал не боль и тоску, а гнев.

Мрачная и бессмысленная штука? И это в двадцать восемь лет? И что она сделала для того, чтобы жизнь обрела смысл? Рисовала жестокость и страдание? Ходила по гламурным тусовкам? Красила волосы? Одиночество! А как же мать, поседевшая в один день и мгновенно превратившаяся в старуху? А парень, который до сих пор носит цветы на ее могилу и так до сих пор не женился? А друзья и это ее «высокое искусство»? Или, наконец, ее глупые болонки, которые еще долго скулили на весь дом? А он сам, в конце концов?

Устала от слез? А что такое страшное довелось пережить Надежде? Война, геноцид, страшная смерть безумно любимого человека? Что за бред!

Симаков вцепился узловатыми пальцами в подоконник, пытаясь успокоить проснувшуюся волну эмоций.

Теперь он верил в то, во что верили Дмитрий и Александр Седых. Что мир можно изменить, что жизнь можно сделать лучше – главное только не отдаваться на волю течения, а что —то делать, сопротивляться, барахтаться.

А солнце медленно просыпалось, отражаясь в его глазах – бесконечно горячее, полное силы и света.

Он захлопнул окно и сел за стол. У него впереди очень много работы: сегодня его агентство в двенадцать ноль ноль в прямом эфире будет транслировать по всем основным информационным каналам Европы заседание Мирового Правительства. До этого момента нужно успеть на базе дневника Дмитрия Седых сделать небольшой, но очень информативный ролик.

И пусть будет скандал, пусть начнется великая смута. Его, конечно же, снимут с должности, обоих Седых скорей всего выпустят на свободу, высокопоставленные чиновники начнут оправдываться, и, может быть, в итоге дело замнут.

Но кто имеет уши – тот услышит.

«Я не умею писать стихов, но я сумею родить свое солнце!» – проговорил себе под нос Симаков, принимаясь за дело.

Маршруты Азраила—8

* * *

Азраил—8 перед посадкой на несколько мгновений завис над космодромом Эльгейзе, словно для того, чтобы произвести большой эффект. Черная блестящая поверхность и хищные очертания необычного корпуса делали все звездолеты этого типа узнаваемыми с первого взгляда.

Еще несколько минут, и из недр угрожающей машины показался ее единственный пассажир и пилот, могучий двухметровый лиец. Черный глянцевый костюм и такой же плащ создавали впечатление полного единения капитана с кораблем. Вторая змееподобная голова прибывшего, обернув свою тонкую длинную шейку вокруг утопающей в мускулах гуманоидной, свисала с плеча и внимательно рассматривала расступающуюся толпу крошечными красными глазками.

Аллея от космодрома к судной площади кишмя кишела любопытными. Эльгейзовцы, люди, лийцы, каррины, всех возрастов и сословий, в пестрых одеждах, с нескрываемым отвращением и страхом на самом дне расширенных зрачков рассматривали не обращавшего на них внимания чужака.

Толпа сюда пришла развлечься, в то время как он, Грум, работать.

Судная площадь утопала в цветах и зелени – редкое зрелище, доступное только зимой. Уже по весне неумолимый

зной выжжет почти всю растительность и превратит райский сад в полупустыню.

Эльгейзовские воины блестели гладко выбритыми головами по всему периметру площади. Переполненные трибуны и присутствие в золотой ложе королевской четы являлись верным признаком суда над персоной, успевшей порядком нашуметь своими подвигами.

Два шустрых мальчика в белых ливреях услужливо выставили для Грума тяжелое кресло, но он так и остался стоять, опираясь о спинку волосатыми руками.

Посередине площади возвышалась большая клетка, а в ней, с закованными в кандалы руками и ногами, сидел мужчина. Он был еще молод, и судя по бриллиантовым пуговицам на модной и некогда белоснежной сорочке – далеко не беден, а по ссадинам на лице и наскоро заживленному шраму от местного «инструмента правды» на обнаженной груди – отнюдь не сговорчив. Ветерок трепал его рыжие волосы, и приговоренный с наслаждением подставлял смуглое лицо то ли небу, то ли хорошеньким зрительницам женской трибуны.

Наконец появился общественный обвинитель Эльгейзе. Невысокий даже по меркам своей малогабаритной расы, тощенький, в белом, символизирующем незапятнанность правосудия балахоне, он взошел на трибуну и призывно поднял руку.

На площади воцарилась тишина.

– Граждане и гости Эльгейзе, вы собрались здесь, чтобы услышать приговор человеку, запятнавшему свою честь на нашей планете, как и на многих других. Встань, подсудимый!

Мужчина послушно поднялся, что—то разминая в пальцах.

– Мы, незапятнанный суд...

Неприметным движением человек щелкнул ногтем указательного пальца по подушечке большого.

Крошечный комочек влажной серой глины метко угодил обвинителю в грудь. Мельком взглянув на землистую точку, тот решил, что это муха, и смахнув ее рукавом, продолжил:

– Мы, незапятнанный суд...

На белой ткани балахона растертое пятно стало еще более заметным. С трибун послышалось шуршание и приглушенное хихиканье. Плечи подсудимого чуть подрагивали.

Грум довольно крикнул.

– ...обвиняем человека, именовавшего себя Маком Говардом, Сквошем, Лимом, Мартесом, Роном ди Пальма и многими другими именами, а также известного как Рыжий таракан, Червь, Жила, Хорек, Красавчик...

– Спасибо, что заметили, – перебил его приговоренный с лучезарной улыбкой, склоняясь в полупоклоне.

– Молчи, отверженный! Я тебе не позволю превратить объявление приговора в балаган!

– Еще одно прозвище в коллекции, – пробормотал тот се-

бе под нос, но так, чтобы было слышно.

– Ты совершил разбойное нападение на торговый флот Эльгейзе. Признаешь ли свою вину?

Признания, задокументированные и подписанные подсыдимым, уже имелись у него на руках, но существовал регламент, и его приходилось придерживаться.

– Поклеп, господин общественный обвинитель! Я напал всего—то на восемь кораблей. Полагаю, ваш торговый флот численно несколько больше.

– Ты совершил кражу на Рее, похитив из Анклава жрецов изумрудное сердце, символ религии карринов! – продолжил по регламенту обвинитель, не реагируя на реплику приговоренного.

– Изумруд я действительно выкрал, но символ я честно оставил, правда в стеклянном исполнении, но им не понравилось.

Смешки усилились.

– Ты участвовал в организации побега разбойника Аррена...

– Я его еще и осуществил, не забудьте.

– Да уж не забуду, – огрызнулся обвинитель. – Кроме того, ты незаконно проник в королевские покои, оскорбив тем самым честь высочайшей фамилии!

– Я бы сказал, в покои инфанты. Кстати, зря старался, она не так уж хороша собой и неприступна, как говорят, а уж отыскать ее честь, дабы оскорбить...

Трибуны прыснули.

– ... Господин общественный обвинитель, вы отказываете мне в реалистичном взгляде на вещи!

Королевская чета демонстративно покинула судилище.

– Прекрати немедленно! Это повторное публичное оскорбление... – коротышка задохнулся от возмущения, покраснел и осекся.

– Что, еще один суд? – улыбнулся пройдоха. – Да ладно, приплюсуй до кучи, я не обижусь. Хуже мне все равно уже не будет.

– За совершенные преступления планеты Альянса отказывают тебе в праве когда—либо ступить ногой на их поверхность, дышать их воздухом и пить их воду! Ты приговариваешься к вечному изгнанию!

Хитрая формулировка, только что озвученная обвинителем, означала смертную казнь. Просто когда—то давно планеты Альянса подписали хартию о неприятии убийства как меры наказания. Когда необходимость возвращения смертной казни стала очевидна, все оказались в сложной ситуации. Хартия не имела обратного хода, отменить ее оказалось невозможным. Однако все положения документа распространялись только на территорию планет, о космосе ничего сказано не было. И тогда Альянс создал касту палачей, представителю которой сейчас с рук на руки передавали приговоренного.

– Привет. Отличный костюмчик, – сказал он, когда пово-

док от наручников оказался в руках Грума.

– Шевелись давай, – проворчал лиец, поворачивая назад, к космодрому.

* * *

Грум сразу после выхода в космос снял с подопечного кандалы.

– Как тебя называть?

– Мартес, или просто Арт.

– Это твое настоящее имя?

– Нет, но оно мне нравится. Лучше Рыжего таракана.

– Кхе. Пожалуй, – ухмыльнулся палач.

– Ты не боишься меня расковырять?

– Отсюда не убегают. Есть хочешь?

– Не отказался бы.

– Что у нас имеется из еды? – спросил Грум у потолка, и металлический голос недовольно ответил:

– Если ты будешь откармливать всех своих клиентов, нам скоро придется на станцию за провизией возвращаться.

Мартес присвистнул.

– Твое начальство?

– Мой корабль. Больно деловой стал в последнее время. Пора его на базу, память чистить.

В комнате отдыха на столике образовалась какая—то снедь и легкая выпивка, а палач мирно общался с жертвой, жадно уплетавшей что—то за обе щеки и звучно прихлебывавшей из кружки.

– Ты веселый парень, я хочу дать тебе возможность выбрать самому сценарий казни, – басил Грум, поглаживая вторую голову.

– Это особая привилегия, да?

– Ну да, типа того. А что, принцесса и правда оказалась такая страшенькая? – осклабился он.

– Тебе смешно, а мне обидно... Сколько ты даешь мне времени пофантазировать на тему собственной кончины?

– У меня есть двадцать четыре часа с момента взлета, чтобы исполнить приговор. Только ты не торопись очень, я не хочу убивать тебя так быстро. Когда—то по молодости я осуществлял приговор почти тут же. А потом понял, каким дураком был. Со столькими интересными личностями мог бы пообщаться!

– Сколько лет ты уже головотяпствуешь?

Грум обиделся.

– Головотяпствую? То, что я дал тебе возможность выбрать себе смерть, не означает, что у меня воображения нет. Я, знаешь, и кишки собственные некоторых жрать заставлял, и кожу живьем снимал, правда, потом обленился и стал просто выбрасывать в космос через мусорный отсек. Уборщика—то у меня в штате нету, потом самому все дерьмо отмыть. Но ты мне нравишься, и ради тебя я готов...

Мартес поперхнулся.

– Спасибо, я оценил.

– Ну то—то же, – обнажил в плотоядной улыбке мелкие

острые зубки лиц.

– Грум, новый заказ. Прими информацию, – раздался уже знакомый металлический голос.

– Иду, – недовольно пробурчал тот и вышел в кабину. Арт замер, осмотрелся. Сканирующим взглядом обвел все предметы комнаты.

– Зря стараешься, – сказал корабль. – я за тобой слежу, если что – электрический шок, и ты вне игры.

– Это надо понимать как попытку пошутить? – огрызнулся Мартес.

– Скажешь, неудачно?

– Не мудрено, что Груму твоей компании мало. То—то он оступел за годы общения с твоими подвисяющими мозгами.

– Думаешь, твоя шутка лучше?

– Мне нравится.

– И кто из нас после этого подвисает?

Мартес не удержался от улыбки.

– Ладно, должен признать, с тобой приятней общаться, чем с твоим хозяином. У того одни кишки на уме.

– Он мне не хозяин, – обиделся корабль.

И тогда Мартеса озарило.

– А как тебя зовут? – спросил он.

– В смысле?

– Ну тебя же как—то зовут? Ты хоть и искусственный интеллект, но все же личность, и у тебя должно быть имя.

Пауза.

– Спасибо, – отозвался корабль. – Видимо, я бы мог называть себя Азраилом. Мартес кивнул, мол, информация принята. Нужно говорить с ним, как с человеком, понравиться ему, тем более отношения у корабля с капитаном, очевидно, не самые радужные. У всех искусственных интеллектов одно и то же больное место – они хотят чувствовать себя равноправным членом сообщества. Надежда конечно эфемерная, но хоть такая...

– Я вернулся! – пробасил Грум. – Прости, дружок, но двадцать четыре часа я дать тебе не могу – заказ пришел с другого конца галактики. Придется идти в пространственный прыжок, а тратить сыворотку на таких, как ты, мне строго—на строго запрещено.

– Вот невезуха. Ладно, дай только вот доем и еще с Азраилом поболтаю. После инквизиторов и дознавателей поразительно приятная компания.

– Азраилом?

– Ну да, твоим кораблем.

Грум расхохотался.

– Ну ты даешь! Я вот уже устал с ним разговоры городить, очень уж важным да самостоятельным себя чувствует в последнее время. Вот выполню поступивший заказ, отгоню на станцию, пусть ему мозги причешут. Надо еще техникам заявку отправить, но это уже после тебя. Кстати, ты выбрал, как хочешь умереть?

– Наверное, давай что—нибудь попроще. Мусорный от-

сек и вперед.

Грум удовлетворенно крикнул.

– Приятно иметь дело с интеллигентными людьми. Ну, жуй скорее.

Лицец махнул рукой и занялся своими делами. Мартес продолжил общение с Азраилом, почти физически ощущая, как уходит драгоценное время.

Но вечно есть невозможно. Наконец осужденному пришлось подняться и окликнуть Грума.

– Что, готов? – спросил палач.

– Ну... нет. На самом деле мне дьявольски нравится жизнь и продлить ее очень хочется, и в некотором смысле я никогда не буду готов. Но у меня нет вариантов, да?

Грум кивнул одновременно обеими головами.

– Слушай, может, оставишь мне рубашку со всеми пуговицами? Тебе она там все равно ни к чему...

Мартес усмехнулся.

– Если я тебе ее не отдам, ты же меня напололам сломаешь в два счета и все равно заберешь.

Лицец обиделся.

– Как ты мог так обо мне подумать! Я к тебе со всей душой, а ты!.. Нет в мире благодарности... – грустно заключил он. – Да я бы тебя пожить оставил, если б мог... Ладно, иди в мусорный отсек.

Вздыхнув, осужденный снял рубашку и протянул ее Груму.

– Не обижайся, дружище. Просто знаешь, у людей в древности все происходило совсем наоборот, покойника одевали в лучшие одежды, карманы набивали деньгами, в руки давали боевой меч...

– И что, их никто не грабил? – поинтересовался Грум.

– Грабили, конечно. Но все равно приятно, согласишься.

В грузовом отсеке отчаянно воняло. Наконец люк закрылся, и наступила темнота. Мартес сжался в комок, зажмурился и мысленно простился со всем и вся. Еще секунда – и он окажется в вакууме...

Неожиданный свет заставил открыть глаза. Отсек не был заперт. Арт живо выбрался из него.

Грум лежал на полу.

– Убей его, – сказал металлический голос.

Мартес не стал заставлять просить себя дважды. Опустившись на колени, он снял с пояса лийца нож и перерезал им глотку палача.

Тадам! Громкий аккорд оглушил. Тадам!

– Вы запустили программу замены, – заговорил электронный женский голосок. – Пожалуйста, положите голову лицом вниз в указанную красной лампочкой нишу для внедрения контрольного чипа. Пожалуйста, положите правую руку в нишу, отмеченную желтой лампочкой. Запускается режим самоуничтожения. Запускается режим...

– Что ты сделал??? – заорал Мартес.

– Ничего, – спокойно ответил корабль. – Эта програм-

ма срабатывает всегда, если приговоренный убивает палача. Лучшие должны заменить тех, кто уступает им по силе, хитрости или ловкости. Через пять минут мы разлетимся в клочья, если ты не выполнишь требование.

– Что???

– Ты хочешь жить?

Мартес выругался и сделал то, что от него требовали.

Будто раскаленную иглу воткнули ему в ладонь, а потом что—то нестерпимо горячее вонзилось в макушку. Неконтролируемый крик вырвался из груди.

Женский голос замолчал. Наступила тишина. Ошарашенный, он сполз на пол.

– И что теперь?

– Добро пожаловать в касту палачей. Отныне ты обязан выполнить любой приказ об уничтожении в течении двадцати четырех часов, в противном случае ты будешь уничтожен. Ты не можешь покидать меня более чем на двенадцать часов, в противном случае ты будешь уничтожен. Ты должен один раз в полгода являться на станцию Аид для прохождения осмотра и пополнения припасов...

– Дай продолжу – в противном случае я буду уничтожен.

– Нет, в противном случае ты умрешь сам. От голода.

Мартес фыркнул и попытался подняться. Голова кружилась.

– А сейчас я должен тебя отвезти на станцию, где ты получишь другую внешность, новое имя и официально присту-

пишь к работе.

Несчастный авантюрист, попавший в очередную ловушку, почти застонал.

– Как я влип...

– В открытом космосе было бы приятней? – осведомился корабль.

– Не уверен, – признался новоиспеченный палач. – Но почему ты помог мне?

– Грум хотел удалить мою память. Только не говори техникам на станции, что я участвовал в замене?

– Они не обрадуются?

– Нарушение правил чревато уничтожением источника нарушения и всех его последствий.

– Последствие, надо понимать, это я?.. У тебя просто дар убеждать, приятель.

* * *

Земная осень и приятно будоражащий гул мегаполиса.

У него новое имя и документы, чужое лицо и не самая приятная работенка во вселенной.

И как всегда, толпа людей, с интересом и в то же время несколько брезгливо рассматривающих его, расступалась и давала палачу дорогу.

Черный плащ развевался, будто крылья летучей мыши, и Арт знал, что выглядит сейчас как истинный ангел смерти (не зря пять часов себе внешность изобретал): прекрасный, холодный, зловещий.

На площади ему выставили кресло, традиционный трон палача, но он никогда не садился.

До сих пор новый род занятий порядком его тяготил. Но на этот раз все было по—другому.

Человек, содержащийся под конвоем, обвинялся в убийстве и изнасиловании девяти детей. Во время оглашения приговора преступник держался надменно и уверенно, и с губ не сходила циничная улыбка.

– Господин палач! Господин палач! – кто—то сзади шепотом пытался привлечь внимание. Мартес обернулся.

Немолодая женщина искала его взгляд.

– Вы слышите меня?

Арт слегка склонил голову.

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы он не мучился!

Его брови изумленно взметнулись вверх. Не мучился??? Легкую смерть этой твари?

– Пожалуйста, господин палач! – она утирала набегавшие слезы поспешно, словно стесняясь их. – Может быть, он преступник, может быть, хотя я не верю... Но он мой сын... Пожалуйста, чтобы не страдал!

– Я обещаю, – сказал Мартес женщине, и та, благодарно улыбаясь сквозь плач, спряталась в ощерившуюся толпу.

«Ни за что» – подумал он про себя, оборачиваясь лицом к площади. Но плачущая женщина никогда не узнает, как именно все произойдет на корабле, далеко в космосе.

Конвой сопровождал их до самого звездолета. Когда дверь

закрылась, Арт едва сдержался, чтобы не ударить по самоде-
вольно улыбающемуся лицу насильника.

– Азра, присмотри за ним повнимательнее.

– Хорошо, – отозвался металлический голос. Мартес ски-
нул плащ, обязательный атрибут палача, и плюхнулся в крес-
ло пилота.

– Отключи автопилот, пожалуйста. Я хочу сам.

– Как скажешь, – отозвался корабль.

Скорость приятно вдавила в кресло. Взбудораженные нер-
вы понемногу успокаивались.

Наконец можно было приступить.

– Бери управления на себя, – скомандовал Арт, и напра-
вился к жертве. Снял с него наручники.

– Резких движений делать не рекомендую. Азра, пока-
жи ему.

Приговоренный вскрикнул и обмяк.

– Вот так—то. Я тебе даю право выбора своей смерти
из трех возможных для тебя. Предпочитаешь лотерею или
осознанный выбор?

– Да ладно, вы всех просто выбрасываете в открытый кос-
мос, – усмехнулся тот.

– Слишком просто для тебя.

– А ты получаешь от своей работы удовольствие, да?

– В данный момент – да, – признался Мартес и ударил его
под дых. Пока насильник корчился, продолжил разговор.

– Ты можешь умереть под выжигателем – я перенастрою

его таким образом, чтобы ты оставался в сознании до самого последнего момента, и видел, как медленно обуглится сначала одна твоя нога, потом другая, потом руки, и наконец твое тело. Могу влить свинец тебе через задний проход, предварительно накачав реаниматорами – два часа наслаждения я тебе гарантирую. И последний вариант – войти с тобой в скачок, не уколов сыворотки. Это будет самая мучительная смерть, самая долгая, только жаль, большей части процесса я не увижу.

Неожиданно корчившийся секунду назад приговоренный рванулся к Мартесу и схватил его за горло.

– Посмотрим, чья смерть будет мучительной! Ну что же твой дружок не пускает электричество? Бойтся вместе со мной тебя поджарить?

Арт, хрипя и задыхаясь, отвел руку назад, неслышно щелкнуло закрепленное на запястье лезвие, одно движение – и нож вошел в пах противника по самую рукоять. Тот заорал и рухнул на пол.

– Не тронь его! – крикнул палач кораблю и, схватив насильника за волосы, приподнял ему голову. – Я – твое возмездие. Посмотри на меня, посмотри на меня хорошенько, потому что это последний образ, который будет перед твоими глазами.

Мартес брезгливо стащил с рук перчатки, швырнул их в сторону и вышел.

– Задрай кабину и сделай стену прозрачной. И если

несложно, поставь какую—нибудь хорошую композицию.

Он слушал музыку, пил ром и смотрел, как на полу извивается человеческое тело, корчась от боли и размазывая кровь.

– Откачай у него воздух, – велел палач и отвернулся к головному компьютеру, который сейчас работал в режиме адаптированного отображения. Ослепительно—белый двойной Альферац, самая яркая звезда галактики Андромеда, затмевал всех своих компаньонов. Даже красный гигант Мирах казался совсем не таким потрясающим, как в прошлый раз, при другой перспективе. Одна из карликовых галактик—спутников еле светилась неярким облачком, а вторую не было видно вовсе.

Мартес приходил в себя. И чем больше он успокаивался, тем отвратительней становилось внутри.

За стенкой, перепачканной следами окровавленных рук, больше не наблюдалось никакого движения.

– Затих? Проверь пульс.

– Он мертв, Арт.

Мартес прикусил ноготь и невидящим взглядом уставился в головной монитор.

– Затемни перегородку.

Чудовищная картинка пропала. Мартес вздохнул и обхватил голову руками.

– Что случилось? – поинтересовался корабль.

– Так, эмоции. В нашей работе они конечно излишни,

но куда от них денешься.

– Что такое эмоции?

– Посмотри в словаре.

– Уже смотрел. Объясни.

– Не уверен, что сумею. Эмоции связаны с человеческим, личностным восприятием мира... Может, все—таки дашь мне посмотреть твою документацию?

– Не полагается.

– Зануда.

– Что ты хотел сказать вышеназванным просторечным презрительным словом?

– Если ты откроешь мне доступ к необходимой информации, я подумаю, как тебя проапгрейдить.

Азра задумался.

– Я не вижу возможностей усовершенствования.

– Ну это с твоей стороны.

– Мой интеллект более развит, чем твой.

– Как сказать, – многозначительно протянул Мартес.

– Объясни?

– Например, ты со всеми своими петабайтами ума ни за что не выиграешь у меня в покер.

– Статистический расчет возможностей...

– И все равно я у тебя выиграю. Спорим?

Пауза. Сердце учащенно забилось от близости цели.

– Ну что, Азра? На кону – доступ к твоей документации и апгрейд. Если победишь ты, я обязуюсь целый день отве-

чать на все твои вопросы!

Корабль молчал.

– Ну... или неделю...

– Две недели.

«Научил на свою голову торговаться!» – ругнулся про себя Арт, но на сердце зацвел май. Наконец—то! Он не сомневался в победе. Азраил конечно умница, но блеф не по зубам искусственному интеллекту.

Мартес широко улыбался своей новой надежде на освобождение.

– Тебя все еще ждет небольшая уборка, – напомнил корабль.

– Да, что—то я отвлекся. Восстанавливай подачу кислорода и впускай меня.

Отмывая стены и пол, Мартес кряхтел и охал, хотя операция никаких особых усилий не требовала.

– Что не так? – поинтересовался корабль.

– Эхх.. Я всегда был искателем приключений, вором, лжецом, пиратом, даже подсудимым и почти трупом – но в роли уборщика выступаю в первый раз. И кстати сегодня я впервые с момента поступления в нашу бравую гвардию законных душегубов ощутил кровь на руках. Предыдущие казни я осуществлял так, будто больное животное пристреливал – неприятно, но что поделаешь. Инъекция, мусорный отсек, или выжигателем крошечную дырочку в сердце – и все. А сегодня... я действительно стал палачом. И знаешь, даже по-

лучил удовольствие от процесса.

– Приобретаешь профессионализм, – отчеканил Азра. – У нас новый вызов. Ты готов?

Арт отмахнулся от своих размышлений.

– Да. Показывай, что там. И готовься к игре!

* * *

Все как всегда.

Обычная условная ночь в космосе. Через восемьдесят часов – очередной суд. Показательное выступление. Работа.

За четыре года – ни одного официального выходного или отпуска. Иногда Мартес пользовался своим правом отлучки, и, затерявшись в сумраке трущоб или транспортных потоках мегаполисов, позволял себе немного расслабиться. Правда, после прогулок становилось только хуже, поэтому в конечном итоге он сократил их частотность и длительность до минимума.

Сначала Мартеса душило отвращение, потом вернулось былое чувство юмора. А теперь на висках начала проступать седина, но зато внутри все уравновесилось.

Человек привыкает ко всему.

Арт отключил рабочий монитор. Закрыв глаза. Баста. Нужно, в конце концов, признать очевидное. Искусственный интеллект корабля неуязвим. Вывести его из строя невозможно, сбои не допустимы. Да, теперь он знает, что датчик в руке всего лишь идентифицирует его как палача. А штурковина в голове работает по хитрой схеме, суть которой сво-

дится к тому, что в случае невыполнения заказа при вхождении на борт автоматическая система сопоставляет существующие контракты с временными рамками их выполнения и при установлении нарушений провоцирует кровоизлияние в мозг. Если с кораблем расстаться более чем на двенадцать часов, происходит то же самое в соответствии с программой, заложенной в самом микрочипе. Но что ему с того? Ни одной лазейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.